

The background of the entire image is a rich, detailed illustration of a man in a black tuxedo with a light-colored vest and striped trousers. He stands with one hand on his hip and the other resting on a dark wooden ledge. To his left is a large, ornate golden trophy cup. To his right is a vase of white lilies. The setting is a grand, opulent room with a vaulted ceiling, chandeliers, and intricate architectural details.

ИВЛИН
ВО

*Победитель
получает все*

АЗБУКА-КЛАССИКА

Ивлин Во

Победитель получает все

Серия «Азбука-классика»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70095622
Победитель получает все : рассказы / Ивлин Во: Азбука; Санкт-Петербург; 2024
ISBN 978-5-389-24701-7*

Аннотация

Ивлин Во (1903–1966) – выдающийся британский писатель, биограф и журналист, один из самых тонких английских стилистов, а также признанный мастер черного юмора и убийственно едкой сатиры, нередко пронизанной скрытым лиризмом; создатель гротескно-смешных фантазий, где причудливо преломляются жизненный уклад и идеологические парадоксы уходящей в прошлое Британской империи. Помимо романов (среди которых такие известные произведения, как «Возвращение в Брайдсхед», «Незабвенная» и др.), творческое наследие писателя включает несколько сборников рассказов; они были написаны в разные годы жизни и в миниатюрной форме соединили элементы, которые составили автору репутацию величайшего прозаика XX века. По отзывам критиков, рассказы Ивлиана Во – это своего рода квинтэссенция стиля, «наброски и фальстарты к более длинным произведениям», а также

убедительное свидетельство того, что один из самых почитаемых и любимых английских романистов был еще и непревзойденным мастером малой формы.

В настоящем издании представлены произведения Ивлины Во, объединенные в сборник «„Коротенький отпуск мистера Лавдэя“ и другие ранние рассказы», а также «Ювенилия» и «Оксфордские рассказы».

Содержание

Коротенький отпуск мистера Лавдэя и другие ранние рассказы	6
Равновесие	6
Благородное семейство	72
Хозяин «Кремля»	90
Любовь на спаде	100
Избыток терпимости	116
Вылазка в действительность	123
Конец ознакомительного фрагмента.	128

Ивлин Во

Победитель получает все

Evelyn Waugh

THE COMPLETE SHORT STORIES OF EVELYN
WAUGH. VOLUME 1

Copyright © 1998, The Estate of Evelyn Waugh

© Л. Н. Житкова, перевод, 2022

© Е. Ю. Калявина, перевод, 2022

© М. Ф. Лорие (наследник), перевод, 2023

© А. А. Лысикова, перевод, 2022

© В. С. Муравьев (наследники), перевод, 2023

© Р. Е. Облонская (наследник), перевод, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2023 Издательство Азбука®

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Ильи Кучмы

* * *

Коротенький отпуск мистера Лавдэя и другие ранние рассказы

Равновесие Канитель из старого доброго времени широких штанов и джермперов с высоким горлом

Интродукция

– Знаете, пожалуй, я все же не смогу прочесть свое. Это довольно жестоко.

– Надо, Бэзил, надо.

– Пожалуйста, Бэзил.

И так всякий раз, когда Бэзил играл в «Ассоциации»¹.

– Да не могу я, – видите, как тут все перепуталось.

¹ «Ассоциации» – Занимательная психологическая игра, основанная на свободных ассоциациях. Согласно правилам, один из участников называет какое-либо слово, а остальные пишут на своих карточках слова, с которыми оно ассоциируется. По завершении сеанса каждый из участников должен зачитать свои ассоциации. – *Здесь и далее примеч. переводчика.*

– Ну, Бэзил, голубчик, не томи!

– Ну пожалуйста, Бэзил!

– Ты должен, дорогой Бэзил.

– Нет. Имоджен рассердится.

– Не рассердится. Правда, Имоджен?

– Имоджен, скажи ему, что не рассердишься.

– Да читай же, наконец, Бэзил!

– Ну ладно, только если вы пообещаете, что не возненавидите меня. – И он разгладил бумажку:

«Цветок – кактус.

Спиртное – ром.

Материя – сукно.

Мебель – качалка-лошадка.

Еда – оленина.

Город – Дублин.

И животное – удав-констриктор».

– О, как чудесно, Бэзил!

– Бедняга Адам, я никогда не связывал его с Дублином, – просто идеально!

– А почему кактус?

– Похож на фаллос, моя милая, и вдобавок с колючками.

– И с этими вульгарными цветками.

– Удав-констриктор – блеск!

– Да уж, с его-то пищеварением.

– И ужалить не может – только удавить.

– И гипнотизирует кроликов.

– Надо мне будет написать портрет Адама, гипнотизирующего кролика.

И тут же:

– Имоджен, ты не идешь?

– Не могу. Меня дико клонит в сон. Не напивайся, хорошо? И разбуди меня утром.

– И все-таки ты на меня сердишься, Имоджен.

– Я слишком устала, милый мой, чтобы на кого-то сердиться. Спокойной ночи.

Дверь закрылась.

– «Милый мой»... Она в бешенстве.

– Так и знал, зря вы заставили меня это читать.

– Она весь вечер была какая-то странная, я считаю.

– Мне она сказала, что, перед тем как спуститься, обедала с Адамом.

– И надеюсь, переела. У Адама все переедают, ты не находишь?

– А всё либидо.

– Но, знаете, я все равно очень горжусь этим персонажем. Интересно, почему раньше никому из нас не приходила мысль о Дублине?

– Бэзил, ты и правда считаешь, что у Имоджен может быть роман с Адамом?

Обстоятельства

ПРИМЕЧАНИЕ. Помимо пропуска некоторых согласных, никаких попыток передать фонетические особенности речи Глэдис и Ады, кухарки и горничной из небольшого домика в Эрлс-Корте², предпринято не было, и, надо полагать, так они и говорят.

Смысл диалогов в фильме опытный киноман угадывает по жестам актеров, реальными же «субтитрами» являются только фразы, выделенные прописными буквами³.

КЛУБ «КОКАТРИС»⁴, 2:30 Ночи.

СРЕДОТОЧИЕ ЛОНДОНСКОЙ НОЧНОЙ ЖИЗНИ

На «титульной заставке» натюрморт с бутылкой шампанского, бокалами и комической маской – или она зевающая?

– Ой, Глэдис, началось! Так и знала, что опоздаем.

– Пус'яки, милая, я хорошо вижу в темноте. Ой, простите... Честное слово, думала, места не заняты!

Эротическое хихиканье и легкая потасовка.

² Эрлс-Корт – район в западной части центрального Лондона, округ Кенсингтон и Челси.

³ Рассказ написан в эпоху немого кино, за два года до премьеры первого полнометражного звукового фильма «Певец джаза» 6 октября 1927 года в Нью-Йорке.

⁴ Кокатрис – мифическое существо из средневековых bestiaries в виде двуногого дракона с головой петуха, иначе – Василиск.

– Да отстань ты, нахаленьиш, дай пройти!

– Сюда, Глэдис, 'он там два места!

– Не, ну надо же... пытался усадить меня к себе на колени!

– Да ланно, Глэдис, проехали! Что хоть за картина-то?

Комичная?

Экран почти весь затемнен, будто пленка сильно передер-
жана. Прерывистый, но яркий луч кинопроектора высвечи-
вает густую толпу танцующих, болтающих, жующих.

– Нет, Ада, – это гроза. Я бы даже сказала, песчаная
буря. Видела на днях с Фредом похожий фильм.

Всем по нраву моя крошка⁵

Крупный план: голова девушки.

– А 'от и его крошка. 'Мотри, не она ль?

Довольно милая головка, стрижка «фокстрот»⁶, превос-
ходная посадка. Только начинаешь оценивать изысканность
ее формы (пленка слишком плоха, чтобы составить хоть ка-
кое-то впечатление о текстуре) – а в кадре вместо головы
уже тучный пожилой мужчина с саксофоном. Пленка мутне-
ет – в духе авангардных киностудий континентальной Евро-

⁵ Популярный хит Фэтса Уолера (1904–1943) «Everybody Loves My Baby».

⁶ Стрижка «фокстрот» – короткая стрижка с высоким затылком, один из ва-
риантов стрижки «шингл-боб», популярной в 1910–1920-е годы; разновидности
этой стрижки получали названия модных танцев.

пы: саксофонист уже превратился в воронку вихревого движения, лица высвечиваются и снова исчезают, а обрывочные субтитры не дожидаются, когда их прочтут.

– Ну а я буду считать, что он легкий.

Голос с кембриджским акцентом с более дорогих мест:

– Экспрессионизм!

Глэдис пихает Аду в бок и шепчет:

– Иностранец!

После нескольких переключений перспективы фокус внезапно становится стереоскопически ясным. Девушка сидит за столом, наклоняясь к молодому человеку, который подносит зажигалку к ее сигарете. К ним подсаживаются еще трое четверо мужчин. Все в выходных костюмах.

– Нет, Ада, он не комичный – это из жизни «общества».

– «Общество» тоже бывает комичным, тебе ли не знать!

Девушка настаивает, что ей надо идти.

– Адам, я должна. Мама думает, что я пошла в театр с тобой и твоей матерью. Не знаю, что будет, если она узнает, что я не там.

Общее прощание и оплата счетов.

– По-моему, Глэдис, он слегка перебрал, тебе не кажется?

Герой и героиня садятся в такси и уезжают. На полпути до конца Понт-стрит⁷ героиня останавливает машину.

⁷ Понт-стрит – фешенебельная улица в Королевском квартале Кенсингтон и

– Пусть дальше не едет, Адам. Леди Р. услышит.

– Доброй ночи, Имоджен... любимая.

– Доброй ночи, Адам.

Секунду она колеблется, но все же целует Адама.

Такси с Адамом уезжает.

Адам крупным планом. Молодой человек лет двадцати двух, гладко выбрит, с очень темными густыми волосами. Его бесконечно грустный вид выводит Аду из равновесия. Она потрясена.

– *И это называется смешно?*

– *Бастер Китон⁸ тоже иногда выглядит грустным, и что?*

Ада веселеет.

У Бастера Китона грустный вид, но Бастер Китон смешной. У Адама грустный вид, но Адам смешной. Яснее некуда!

Кеб останавливается, Адам отдает ему все свои деньги. Тот желает Адаму «доброй ночи» и растворяется в темноте. Адам отпирает входную дверь.

Поднимаясь к себе, он попутно забирает почту со столика в вестибюле: два счета и приглашение на танцевальный вечер.

Заходит в свою комнату, раздевается и некоторое время

Челси, проходит по районам Найтсбридж и Белгравия, на северо-востоке упирается в площадь Белгравия.

⁸ *Бастер Китон* (1895–1966) – американский комедийный актер, режиссер, сценарист, каскадер.

сидит, с отвращением пялясь на себя в зеркало. Затем ложится в постель. Он не решается выключить свет – знает, что, если он это сделает, комната сразу же начнет вращаться; он должен лежать пластом и думать об Имоджен, пока не протрезвеет.

Затемнение пленки. Комната плывет и вскоре встает на место. Тьма сгущается. Оркестр очень тихо наигрывает первые аккорды песенки «Всем по нраву моя крошка». Полный мрак.

Крупный план: героиня.

Крупный план: герой спит.

Затемнение.

Следующее утро, 8:30

Герой все еще спит. Свет все еще горит.

Входит мымристого вида горничная, выключает свет и поднимает жалюзи. Адам просыпается.

– Доброе утро, Парсонс.

– Доброе утро, сэр.

– Ванная свободна?

– Кажется, туда только что прошла мисс Джейн.

Она поднимает с пола вечерний костюм Адама.

Адам снова ложится и размышляет о том, какое из двух зол меньше: не попасть в ванную или не успеть занять место в студии.

Мисс Джейн у себя в ванной.

Адам предпочитает встать.

Измученный, хотя сна ни в одном глазу, Адам одевается. Затем спускается к завтраку.

— *Какое же это «общество», Глэдис? Они не едят грейп-фрут.*

— *И дом совсем маленький.*

— *И дворецкого нет.*

— *А 'он и старушка-мать. Спорим, в конце она сделает из него человека!*

— *Да и одежда у них совсем не шик-модерн, если хочешь знать.*

— *Но если этот фильм не смешной, не про убийства и не про высшее общество, то какой же он тогда?*

— *Может, еще и до убийства дойдет.*

— *Ладно, будем считать, что он легкий.*

— *Гляди-ка, получил от графини приглашение на танцевальный вечер.*

— *Не кино, а не пойми что какое-то!*

Приглашение от графини.

— *Ха! Еще и конверт без коронетки!*

Старушка-мать наливает Адаму чаю и пересказывает сообщение из газеты «Таймс» о смерти какого-то знакомого, а когда он допил чай и доел рыбу, выпроваживает его из дома.

Адам доходит до поворота и там садится в автобус. По

всем признакам это район Риджентс-парка⁹.

ЦЕНТР ЛОНДОНСКОГО ЛАТИНСКОГО КВАРТАЛА. ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ШКОЛА МОЛТБИ

Ни одна мелочь не была упущена продюсерами для создания аутентичной атмосферы. К приходу Адама главная студия школы Молтби уже наполовину заполнена студентами. Работа еще не начата, но в помещении бурлит жизнь, все заняты приготовлениями. Одна молодая женщина в рабочем халате, больше похожая на хористку, чем на художницу, отмывает палитру, вымазываясь в краске; другая по соседству устанавливает мольберт; третья затачивает карандаш; четвертая курит сигарету, вставленную в держатель на длинной ручке. Молодой человек, также в рабочем халате, держит рисунок и, чуть склонив голову набок, оценивает его с расстояния вытянутой руки; с ним полемизирует длинноволосый молодой человек. Старый мистер Молтби, внушительная личность в потрепанном шелковом халате, выговаривает заплаканной студентке, что если она пропустит еще одно занятие по композиции, то ее исключат из школы. Секретарша мисс Филбрик прерывает спор между двумя молодыми людьми и напоминает им, что ни тот ни другой не внес

⁹ *Риджентс-парк* – один из главных королевских парков Лондона, разбит в 1811 году на границе между Вестминстером и округом Камден; назван в честь регентства принца-регента, будущего короля Георга IV.

плату за следующий месяц. Девушка, которая устанавливала мольберт, пытается раздобыть какого-нибудь «фиксатива»¹⁰; его одалживает ей девушка с сигаретодержателем. Мистер Молтби сетует на то, что нынешний уголь сильно крошится. Ну чем не Латинский квартал, право слово?

«Декорации» тоже разрабатывались на совесть. Стены увешаны горшками, сковородками и картинами: последние – это главным образом остатки серии довольно упитанных ню, которые не сумел распродать молодой мистер Молтби. Над помостом в дальнем конце болтается чрезвычайно загорелый скелет.

– *Слушай, Глэдис, а его натурщиц покажут? Как ты думаешь?*

– Ой, не смейся, гуля моя!

Входит Адам и устремляется к стенду со схемой расположения мольбертов; к нему подходит девица, одолжившая «фиксатив». Она все курит.

– У МЕНЯ СВОБОДНО СОСЕДНЕЕ МЕСТО, ДУР, ИДЕМТЕ ТУДА.

Крупный план девушки.

– *Она в него влюблена.*

Крупный план Адама.

– *А он в нее – нет!*

Место, на которое указывает девушка, лучшее во втором

¹⁰ *Фиксатив* – в рисовании жидкость для укрепления рисунка, выполненного карандашом или углем на бумаге.

ряду; другое такое, помимо крайнего спереди и крайнего сзади, только одно, рядом с печью, закругленное сбоку. Адам ставит против него свои инициалы.

– ПРОШУ ПРОЩЕНИЯ... БОЮСЬ, Я ДОЛЖЕН ПРИЗНАТЬСЯ, ЧТО МЕНЯ БЕСПОКОИТ СВЕТ С ТОГО МЕСТА, ГДЕ ВЫ РАСПОЛОЖИЛИСЬ... БУДЕТ СЛИШКОМ МАЛО ТЕНЕЙ... ВЫ НЕ НАХОДИТЕ?

Девушку это не обескураживает – она закуривает очередную сигарету.

– Я ВИДЕЛА ВАС ВЧЕРА ВЕЧЕРОМ В «КОКАТРИСЕ», А ВЫ МЕНЯ НЕТ.

– В «КОКАТРИСЕ»... ВЧЕРА ВЕЧЕРОМ... АХ ДА... КАКАЯ ЖАЛОСТЬ!

– КТО ВСЕ ТЕ ЛЮДИ, ЧТО БЫЛИ С ВАМИ?

– О, ПОНЯТИЯ НЕ ИМЕЮ, ПРОСТО КАКИЕ-ТО ЛЮДИ, ЗНАЕТЕ ЛИ.

Он порывается уйти.

– А ЧТО ЭТО ЗА ДЕВУШКА, С КОТОРОЙ ВЫ ТАК МНОГО ТАНЦЕВАЛИ?.. БЕЛОКУРАЯ КРАСОТКА... В ЧЕРНОМ?

– КАК, ВЫ НЕ ЗНАЕТЕ? ВАМ НАДО КАК-НИБУДЬ С НЕЙ ПОЗНАКОМИТЬСЯ... ПОСЛУШАЙТЕ, Я ДИКО ИЗВИНЯЮСЬ, НО МНЕ НУЖНО СРОЧНО СПУСТИТЬСЯ К МИСС ФИЛБРИК ЗА БУМАГОЙ.

– Я МОГУ ВАМ ОДОЛЖИТЬ.

Но его уже и след простыл.

Ада говорит:

– Не много ли болтовни в этой картине, а, Глэдис? – И тут вступает голос с кембриджским акцентом, вещающий что-то об «удалении субтитров».

Одна из жизненных неурядиц

Входит молодая женщина, кутаясь в халат, впереди – младший мистер Молтби.

– *И это называется натурщица? Ну, знаешь...*

Женщина слегка простужена, чихает в крошечный комочек носового платка; она поднимается на помост и неуклюже садится на стул. Младший мистер Молтби кивком приветствует тех учеников, которые ловят его взгляд; девушка, говорившая с Адамом, тоже ловит взгляд учителя, тот улыбается.

– *У него с ней шуры-муры.*

Она отвечает ему приветливой улыбкой.

Молодой мистер Молтби громыкает печью, приоткрывает световой люк, затем поворачивается к натурщице; та сбрасывает халат и вешает его на спинку стула.

– *Ой, мамочки... Ада! С ума сойти!*

– *Чтоб я когда...*

Молодой человек из Кембриджа продолжает заносчиво рассуждать о Матиссе, будто хорошо знаком с предметом. Хотя на самом деле он сильно заинтригован.

Натурщица обнажила рыхлые розовое тело, коротковатые ноги и руки с красными локтями; как и у большинства профессиональных натурщиц, пальцы у нее на ногах изуродованы и все в мозолях. Младший мистер Молтби сажает ее на стул в позе, отвечающей стандартам художественной школы. Класс приступает к работе.

Адам возвращается с несколькими листами бумаги и пристраивает их у себя на планшете. Потом какое-то время стоит, сверля натурщицу брезгливым взглядом, так и не проведя ни одной линии.

— Он в нее влюблен. — Но на сей раз Ада не угадала.

Затем начинает набрасывать основные очертания позы.

Он работает пять-шесть минут, но ему досаждают жар от печи. Сзади, пыхая табачным дымом, подходит старший мистер Молтби.

— Ну как, все разметил? Что у тебя в центре? Куда будет смотреть стопа? Куда встанет макушка?

Адам ничего не разметил — он яростно стирает все, что рисует, и начинает заново.

Тем временем между молодым мистером Молтби и девицей, которая была влюблена в Адама, завязывается оживленный флирт. Мистер Молтби наклоняется к ней, указывая на ошибки, и кладет руку ей на плечо, но она в джемпере с глубоким вырезом, и большой палец учителя соскальзывает на ее голую шею, щекоча кожу, — девица благодарно извивается. Он забирает у нее уголь и начинает что-то рисовать в уголке

листа – ее волосы касаются его щеки, – ни ей, ни ему нет никакого дела до того, что он рисует.

– Нет, ну эти божественные совершенно не умеют держать себя в руках, правда, Глэдис?

За полчаса Адам трижды стирал свой рисунок. Стоит ему обнаружить какое-то необычное сочетание форм, как натурщица подносит к носу комочек носового платка и после каждого чиха слегка меняет позу. Антрацитовая печь пышет жаром, Адам работает еще полчаса.

11:00. Перерыв

Почти все девушки достают сигареты; мужчины же, число которых увеличилось за счет притока опоздавших, кучкуются в уголке отдельно от них. Один мужчина читает «Студио». Адам раскуривает трубку и, отступая назад, с отвращением изучает свой рисунок.

Крупный план: рисунок Адама. В действительности он совсем не плох. Фактически на порядок удачнее любого в зале; один, правда, может стать лучше к концу недели, но в данный момент на нем видны лишь цифры замеров и геометрические фигуры. Его автору невдомек, что натурщица отдыхает, – он увлечен определением границ медиального отдела ее фигуры и производит вычисления в уголке листа.

Адам выходит на лестницу, заполненную женщинами из нижней студии. Они подкрепляются плюшками из пакети-

ков. Он возвращается в студию.

Девушка, которой давал наставления молодой мистер Молтби, подходит к Адаму и рассматривает его рисунок.

— Довольно типично для понедельничного утра.

Слово в слово повторила отзыв молодого мистера Молтби о ее рисунке.

Натурщица снова садится в заданную позу и снова чуть-чуть иначе; бумажные пакетики убраны, трубки выбиты; многообещающий ученик просчитывает зону прямоугольника.

Смена декораций.

Понт-стрит, 158. Лондонский дом мистера Чарлза и леди Розмари Квест

Судя по интерьеру, продюсеры таки предприняли наконец кое-какие попытки удовлетворить социальные чаяния Глэдис и Ады. Да, там очень мало мрамора и нет напудренных лакеев в бриджах, но в помещениях с высокими потолками и мебелью в стиле Людовика Шестнадцатого атмосфера несомненного величия все же присутствует, и даже имеется один лакей. Молодой человек из Кембриджа оценивает затраты на содержание дома в шесть тысяч в год, и при избыточной щедрости этого предположения оно вполне оправданно. На заднем плане видна коллекция лиможского фарфора, принадлежащая леди Розмари.

Имоджен Квест у себя в спальне наверху звонит по телефону.

– *Ой, Ада, какая миленькая кимоношка!*

Мисс Филбрик входит в верхнюю студию Молтби именно в тот момент, когда наконец у Адама начинает проклевываться интерес к рисунку.

– МИСС КВЕСТ ЖЕЛАЕТ ПОГОВОРИТЬ С ВАМИ ПО ТЕЛЕФОНУ, МИСТЕР ДУР. Я ОБЪЯСНИЛА ЕЙ, ЧТО ЭТО ПРОТИВОРЕЧИТ НАШИМ ПРАВИЛАМ. СТУДЕНТАМ РАЗРЕШЕНО ПОЛЬЗОВАТЬСЯ ТЕЛЕФОНОМ ТОЛЬКО В ОБЕДЕННЫЙ ПЕРЕРЫВ, – (мисс Филбрик и старший мистер Молтби издавна ведут бесконечную потешную игру, делая вид, что где-то существует свод правил, которые все должны соблюдать), – НО ОНА УТВЕРЖДАЕТ, ЧТО ДЕЛО КРАЙНЕ ВАЖНОЕ. ЖЕЛАТЕЛЬНО, ЧТОБЫ ВЫ ПОПРОСИЛИ СВОИХ ДРУЗЕЙ НЕ ЗВОНИТЬ ВАМ ПО УТРАМ.

Адам кладет уголь и следует за ней в кабинет.

Над телефоном в кабинете висит выцветшее объявление, написанное староанглийским шрифтом, который мисс Филбрик постигала на вечерних курсах на Саутгемптон-роуд:

«Студентам запрещено пользоваться телефоном в рабочее время».

– ДОБРОЕ УТРО, ИМОДЖЕН.

– ДА, ВПОЛНЕ БЛАГОПОЛУЧНО... ТОЛЬКО СТРАШНО ВЫМОТАН.

– НЕ МОГУ, ИМОДЖЕН... ДЛЯ НАЧАЛА, У МЕНЯ НЕТ ДЕНЕГ.

– НЕТ, ТЕБЕ ЭТО ТОЖЕ НЕ ПО КАРМАНУ. В ЛЮБОМ СЛУЧАЕ СЕГОДНЯ ВЕЧЕРОМ Я УЖИНАЮ У ЛЕДИ Р.

– ТЫ ВЕДЬ ПОТОМ РАССКАЖЕШЬ?

– ПОЧЕМУ НЕТ?

– А КТО ТАМ ЖИВЕТ?

– УЖ НЕ ТОТ ЛИ ЖУТКИЙ БЭЗИЛ ХЕЙ?

– ВСЕ ВОЗМОЖНО.

– ВИДЕЛСЯ ИНОГДА С НИМ В ОКСФОРДЕ.

– ЧТО Ж, ЕСЛИ ТЫ ТОЧНО СМОЖЕШЬ ЗАПЛАТИТЬ, ТО Я С ТОБОЙ СЕГОДНЯ ПООБЕДАЮ.

– ЗАЧЕМ? ТАМ ЖЕ БЕЗУМНО ДОРОГО.

– СТЕЙК «ТАРТАР»? А ЧТО ЭТО?

«Абсолютно сырой, знаете, с оливками, каперсами, уксусом и разными специями», – объясняет кембриджский голос.

– СМОТРИ, РАДОСТЬ МОЯ, ОБОРОТНЕМ СТАНЕШЬ.

– ТЕБЕ ПОНРАВИЛОСЬ, ЗНАЧИТ, И МНЕ ПОНРАВИТСЯ.

– ДА, БОЮСЬ, У МЕНЯ ПОЯВЛЯЕТСЯ СКЛОННОСТЬ К МЕЛАНХОЛИИ.

– ГДЕ-ТО В ЧАС. НЕ ОПАЗДЫВАЙ, ПОЖАЛУЙСТА... В МОЕМ РАСПОРЯЖЕНИИ ЛИШЬ СОРОК ПЯТЬ МИНУТ.

– ДО СВИДАНИЯ, ИМОДЖЕН!

Вот и все, что уши мисс Филбрик смогли выловить из это-

го запретного разговора.

Адам возвращается в студию и набрасывает несколько грубых невыразительных линий.

Затем стирает, но они грязными пятнами въедаются в пористую бумагу. Он разрывает рисунок, старый мистер Молтби протестует, молодому мистеру Молтби не до Адама – он занят объяснением строения стопы.

Адам принимается за новый рисунок.

Крупный план: рисунок Адама.

– Он думает о ней.

В яблочко, Ада!

– Эти фильмы были бы гораздо убедительнее, если бы в них брали квалифицированных чертежников, чтобы они делали рисунки за героя, – тебе не кажется?

Браво, культурная буржуазия!

Полдень

Повторение всех блужданий предыдущего часа.

Подающий надежды студент высчитывает соотношение двух кубов. Девушка, изучавшая строение стопы, подходит к студенту сзади и заглядывает ему через плечо; он испуганно вздрагивает и сбивается со счета.

Адам берет шляпу, трость и выходит.

Адам в автобусе.

Адам изучает Пуссена¹¹ в Национальной галерее.

Крупный план: Адам изучает Пуссена.

– *Он думает о ней.*

Часы на колокольне церкви Святого Мартина-в-Полях¹² бьют один час. Адам покидает Национальную галерею.

13:10.

Обеденный зал ресторана «Тур-де-Форс»

Входит Адам; озирается по сторонам, но, как он и ожидал, Имоджен еще не явилась. Он садится за столик, накрытый на две персоны, и ждет.

Ресторан «Тур-де-Форс», хотя на самом деле он и не в Сохо, безошибочно производит впечатление космополитично-театрального заведения – что Ада суммировала в слове «богемный». Столики расставлены идеально, вина превосходные, но и неимоверно дорогие.

Адам заказывает бокал хереса и ждет, разделяя внимание между дверью, в которую должна войти Имоджен, и соседним столиком, где немолодой юрист, крупный авторитет в политической сфере, пытается развлечь скучающего изысканно-красивого юношу лет восемнадцати.

¹¹ *Пуссен Никола* (1594–1665) – французский художник.

¹² *Церковь Святого Мартина-в-Полях* – самая знаменитая приходская церковь Лондона, находится на Трафальгарской площади.

Входит Имоджен.

Посетители за другим столиком говорят: «СМОТРИТЕ-КА, ИМОДЖЕН КВЕСТ! НЕ ПОНИМАЮ, ЧТО ЛЮДИ В НЕЙ НАХОДЯТ, А ВЫ ЧТО СКАЖЕТЕ?» или «КТО ЭТО ТАКАЯ, ИНТЕРЕСНО? НЕ ПРАВДА ЛИ, ОНА ПРИВЛЕКАТЕЛЬНА?»

– ПРОСТИ, ДОРОГОЙ, Я ЖУТКО ОПОЗДАЛА. У МЕНЯ С УТРА БЫЛ ДИЧАЙШИЙ МАРАФОН ПО МАГАЗИНАМ С ЛЕДИ Р.

Она садится за столик.

– ТЕБЕ ЖЕ НЕ НАДО СРЫВАТЬСЯ С МЕСТА И СЛОМЯ ГОЛОВУ НЕСТИСЬ В ШКОЛУ? МЫ ВЕДЬ С ТОБОЙ БОЛЬШЕ НЕ УВИДИМСЯ. НИКОГДА. СЛУЧИЛОСЬ САМОЕ УЖАСНОЕ... ЗАКАЖИ МНЕ ЧТО-НИБУДЬ ПОЕСТЬ, АДАМ. Я СТРАШНО ГОЛОДНА. ХОЧУ СТЕЙК «ТАРТАР», НО БЕЗ НАПИТКОВ.

Адам заказывает.

– ЛЕДИ Р. ГОВОРИТ, Я С ТОБОЙ ЧЕРЕСЧУР ЧАСТО ВИЖУСЬ. НЕ СЛИШКОМ ЛИ ЭТО УЖАСНО?

Глэдис наконец в своей стихии. Жанр фильма определен. Первая любовь рушится из-за родителей-толстосумов, кичащихся своим богатством.

Имоджен отмахивается от тележки с hors d'œuvre¹³.

– Она устроила мне сцену. Заявилась, когда я была еще в постели, и потребовала полного отчета о вчерашнем вечере. Очевидно, слышала, как я вошла в дом. Ох, Адам, не могу передать, сколько жутких мерзостей она о тебе наговорила. Какой-то дурацкий обед, дорогой, – ты заказал все, чего я на дух не переношу.

Адам допивает бульон.

– И ВОТ ПОЭТОМУ СЕГОДНЯ МЕНЯ ОТПРАВЛЯЮТ В ТАТЧ¹⁴. А вечером леди Р. хочет с тобой серьезно поговорить. Она даже отменила визит Мэри и Эндрю, чтобы встретиться с тобой один на один. Адам, с чего ты взял, что я все это съем? А себе даже выпить не заказал.

Адам съедает весь омлет сам. Имоджен крошит хлеб и говорит:

– Но знаешь, милый мой, ты не должен осуждать Бэзила – учти, я дико его обожаю, к тому же у него наипрелестнейшая и наивульгарнейшая мамаша – тебе бы точно понравилась.

Выкатывается стейк «Тартар» и готовится тут же при них.

Крупный план: блюдо мелко порубленного, истекающего кровью мяса; руки, чересчур щедро посыпающие его приправами.

– Знаешь, Адам, что-то мне расхотелось есть это после всего. Так напоминает мне о Генри...

¹³ С закусками (*фр.*).

¹⁴ *Татч* – небольшой населенный пункт в Англии, ныне не существует.

Адам закончил с обедом.

– ТАК ЧТО ТЫ ДОЛЖЕН ПОНЯТЬ, МОЙ ДОРОГОЙ, ЧТО МЫ С ТОБОЙ БОЛЬШЕ НИКОГДА-НИКОГДА НЕ УВИДИМСЯ – ПОДОБАЮЩИМ ОБРАЗОМ, Я ИМЕЮ В ВИДУ. НУ ВОТ, Я ДАЖЕ ЗАГОВОРИЛА КАК ЛЕДИ Р. – ЕЕ СЛОВАМИ, ТЫ НЕ НАХОДИШЬ?

Имоджен протягивает руку через стол и касается руки Адама.

Крупный план: рука Адама, на мизинце кольцо-печатка, а на сгибе большого пальца – пятно от краски. Рука Имоджен – совершенно белая, с маникюром – ползет по экрану и притрагивается к пятну.

Глэдис тихо всхлипывает:

– ТЫ ВЕДЬ НЕ СИЛЬНО ОГОРЧЕН, ПРАВДА, АДАМ?

Адам огорчен – и, разумеется, сильно. Очень. Он съел достаточно, чтобы основательно раскиснуть.

Ресторан «Тур-де-Форс» почти пуст. Адвокат пошел своим грешным путем, а официанты беспокойно топчутся по-одаль.

Имоджен оплачивает счет, и они с Адамом выходят на улицу.

– АДАМ, ТЫ ДОЛЖЕН ПОЕХАТЬ НА ЮСТОНСКИЙ

ВОКЗАЛ¹⁵ МЕНЯ ПРОВОДИТЬ. МЫ ВЕДЬ НЕ МОЖЕМ
ВОТ ТАК РАССТАТЬСЯ – НАВСЕГДА? ХОДЖЕС ВСТРЕ-
ТИТ МЕНЯ ТАМ С БАГАЖОМ.

Они садятся в такси.

Имоджен вкладывает руку в его ладонь, и в течение
нескольких минут они так и сидят, не проронив ни слова.

Затем Адам наклоняется к ней, и они целуются.

Крупный план: Адам и Имоджен целуются. В глазах у
Адама стоят слезы (что моментально находит отклик у Глэ-
дис и Ады, которые безудержно рыдают); губы Имоджен сла-
достно приоткрылись в ответ на прикосновение губ Адама.

– *Как Венера Бронзино!*¹⁶

– НА САМОМ ДЕЛЕ, ИМОДЖЕН, ТЕБЕ ВЕДЬ ВСЕГДА
БЫЛО ВСЕ РАВНО. ИНАЧЕ ТЫ БЫ ВОТ ТАК ВОТ НЕ
УЕХАЛА. СКАЖИ, ТЕБЕ ХОТЬ КОГДА-НИБУДЬ БЫЛО
НЕ ВСЕ РАВНО – ТОЛЬКО ЧЕСТНО?

– РАЗВЕ Я ТЕБЕ ЭТО НЕ ДОКАЗАЛА? Адам, дорогой,
ну что ты вечно задаешь какие-то нудные вопросы. Неужели
ты не понимаешь, насколько это невыносимо? У нас всего
пять минут до Юстона.

Они опять целуются.

Адам говорит:

¹⁵ *Юстонский вокзал* – железнодорожный вокзал в центральной части Лондо-
на, открыт в 1837 году.

¹⁶ *Бронзино Аньоло* (1503–1572) – итальянский живописец, выдающийся пред-
ставитель маньеризма; вероятно, имеется в виду его картина «Аллегория с Ве-
нерой и Купидоном».

– Черт бы побрал эту леди Р.

Они подъезжают к Юстону.

Ходжес их уже ждет. Она позаботилась о багаже. Она позаботилась о билетах. Она даже купила журналы. Делать больше нечего.

Адам стоит рядом с Имоджен в ожидании отправления поезда; она просматривает еженедельную газету.

– Взгляни на это фото Сибил. Странное какое-то, правда? Когда, интересно, оно снято?

Поезд вот-вот тронется. Она садится в вагон и протягивает руку:

– Прощай, дорогой. Ты ведь приедешь в июне на танец с матерью?¹⁷ Если нет, меня это очень огорчит. А может, и раньше увидимся. Прощай!

Поезд отъезжает от вокзала и набирает ход.

Крупный план. Имоджен в вагоне изучает странное фото Сибил.

Адам на платформе глядит вслед исчезающему поезду.

Затемнение.

– Ну и как тебе это, Ада?

– Мило.

– Странно все-таки, что они никак не могут заставить героев и героинь разговаривать как леди и джентльмены – тем более в минуты душевных волнений.

¹⁷ Традиционный танец матери невесты с дочерью или женихом на свадьбе или помолвке.

Четверть часа спустя

Адам еще в Юстоне, стоит, бесцельно уставившись на книжный киоск. Перед ним на экране мелькают картины его жизни.

У Молтби. Антрацитовая печь, натурщица, любвеобильная студентка («Вамп»), студент с математическими наклонностями, его собственный рисунок.

Семейный обед. Его отец, мать, Парсонс, сестра с ее глупым прыщавым личиком и тупой завистью ко всему, что говорит, делает и носит Имоджен.

Обед на Понт-стрит, голова к голове с леди Розмари.

Обед в одиночестве в каком-то дешевом ресторане в Со-хо. А в конце неизменное вечное Одиночество и мысли об Имоджен.

Крупный план: лицо Адама выражает отчаяние, постепенно переходящее в решимость.

Адам в автобусе – едет к Хэновер-Гейт¹⁸.

Подходит к дому.

Парсонс. Парсонс открывает дверь. Миссис Дур нет дома; мисс Джейн нет дома; нет, Адам не хочет чаю.

Комната Адама. Чудесная, под самой крышей, откуда открывается вид на верхушки деревьев. В полнолуние доно-

¹⁸ *Хэновер-Гейт (Hanover Gate)* – один из входов в Риджентс-парк.

сятся звуки из Зоологического сада. Адам входит и запирает дверь.

Глэдис тут как тут:

– Самоубийство, Ада.

– Да, но она явится в последний момент и остановит его.

Вот увидишь!

– Не обольщайся. Это не простое кино, совсем не простое.

Он подходит к письменному столу, открывает один из ящичков и достает из него маленький синий пузырек.

– Ну, что я говорила?! Яд.

– Легкость, с которой персонажи фильмов ухитряются обеспечить себя инструментами смерти...

Он ставит пузырек на стол, берет лист бумаги и пишет.

– Предсмертная записка для нее. Ишь, дает ей, время приехать, чтобы его спасти.

Ave imperatrix immortalis, moriturus te salutant¹⁹

Идеально! И очень тонко.

Он складывает листок, отправляет его в конверт и надпи-

¹⁹ СЛАВЬСЯ, БЕССМЕРТНАЯ ПОВЕЛИТЕЛЬНИЦА, ИДУЩИЙ НА СМЕРТЬ ПРИВЕТСТВУЕТ ТЕБЯ (парафраз выражения Ave Caesar, (Imperātorc), moritūri te salūtant (Здравствуй [Славься], Цезарь, император, идущие на смерть приветствуют тебя) – приветствие римских гладиаторов бидущих на морское сражение, устроенное им на Фукинском озерес, обращенное к императору <Клавдию>. (Светоний. «Божественный Клавдий», 21.)

сывает адрес.

Далее медлит в сомнении.

Возникает видение:

Дверь в комнату Адама. К ней подходит миссис Дур, переодетая к ужину, и стучится в дверь, стучится еще несколько раз, затем в тревоге зовет мужа. Профессор Дур дергает ручку, трясет ее. Подходят Парсонс и Джейн. Через некоторое время решают взломать дверь, профессор Дур возится с ней, миссис Дур в ажитации. Джейн делает тщетные попытки ее успокоить. Волнение нарастает. Наконец все врываются в комнату. Адама обнаруживают мертвым на полу. Сцена неопишуемой пошлости со слезами, истерикой, телефоном, полицией. Затемнение.

Крупный план: Адам кривится от отвращения.

Очередное видение:

Деревня африканских туземцев у края джунглей; из низенькой соломенной хижины выползает смертельно больной голый мужчина, за ним – его причитающие жены. Он тащится в джунгли, чтобы умереть там в одиночестве.

– *Ос-споди, Глэдис! Вот-те и мораль.*

Еще одно видение:

Рим времен Петрония²⁰. Молодой патриций возлежит в окружении своих гостей. Продюсеры, не жалея сил, тру-

²⁰ *Петроний Арбитр* (ок. 14–66) – автор древнеримского романа «Сатирикон», в котором, в частности, описывается пир Трималхиона; рассказ завершается мнимыми похоронами Трималхиона.

дились над созданием атмосферы великолепия и роскоши. Мраморный зал, будто построенный в горячечном бреду какого-нибудь Альма-Тадемы²¹, щедро освещен горящими христианами. Слева и справа мальчишки-рабы, дети варваров, вносят блюда с жареными павлинами. В центре зала девочка-рабыня танцует с пумой. Выход нескольких гостей в вомиторий²². За павлинами следуют молочные поросята, тушеные в меду, фаршированные трюфелями и соловьиными язычками. Зверь, воспламененный внезапной страстью, прыгает на девушку, валит ее на пол и стоит над ней, упираясь одной лапой в ее грудь, на которой проступают крошечные капли крови. Она лежит на альматадемовском мраморе, взывая к хозяину полным ужаса взглядом. Но тот ее не замечает, он забавляется с одним из мальчиков-слуг. Еще несколько гостей удаляются в вомиторий. Пума пожирает девушку. Наконец в самый разгар пира вносят зеленую мраморную чашу. В нее вливают пахучую кипящую воду. Хозяин погружает туда руку, а негритянка, подобно некоему ангелу смерти сидевшая подле его ложа на протяжении всего

²¹ *Альма-Тадема Лоуренс* (1836–1912) – британский художник нидерландского происхождения, писал картины в основном на исторические сюжеты.

²² *Вомиторий* (от лат. vomere – исторгать, извергать, в том числе содержимое желудка). Существует расхожее мнение, что так называли пристройку к обеденному залу в древнеримском доме, где пирующие могли освободить желудок для очередного блюда; по другой версии, это проходы или коридоры между рядами в амфитеатрах, служившие для того, чтобы толпы зрителей могли быстро покинуть места зрелищ в случае пожара.

пира, выхватывает из-под набедренной повязки нож и с силой вонзает ему в запястье. Вода в зеленой чаше становится красной. Гости постепенно расходятся, и хозяин с величавой учтивостью, хотя и не покидая ложа, прощается с каждым поименно. Вскоре он остается один. Мальчишки-рабы ежатся в уголках, жмутся друг к дружке голыми плечами. Обуреваемая диким желанием, негритянка вдруг начинает целовать и глотать безжизненную руку. Он вялым жестом приказывает ей удалиться. Догорающие мученики постепенно затухают, огромный зал погружается во тьму, изредка прорежаемую тускло мерцающими огоньками. Запах жареного уплывает на террасу и растворяется в ночном воздухе. Виден лишь силуэт пумы, вылизывающей лапы во мраке.

Адам раскуривает трубку и нервно постукивает по столешнице уголком конверта. Затем кладет пузырек в карман и отпирает дверь.

Потом вдруг разворачивается, подходит к книжным шкафам и просматривает их содержимое. Книжные шкафы Адама: довольно необычная библиотека для мужчины его возраста и состояния. Большинство книг представляют собой библиографическую редкость, многие старательно переплетены; также имеются старинные фолианты немалой ценности, их ему время от времени дарит отец.

Лучшие он сваливает в кучу на полу.

Книжная лавка мистера Макассора

В книжной лавке мистера Макассора присутствует что-то от личной библиотеки неметодичного ученого древних времен. Книги повсюду: на стенах, на полу, на предметах мебели, будто их ненадолго отложили из-за какой-то помехи и тут же об этом забыли. Первые издания и старинные иллюстрированные книги прячутся между сборниками проповедей и томами «Синих книг»²³ в ожидании страстного искателя приключений. Мистер Макассор заботливо маскирует свои сокровища.

В данный момент некий пожилой мужчина увлеченно роется в куче пыльных томов, а мистер Макассор склоняется над столом, углубившись в трактат по алхимии. Тут спина книгоискателя выпрямляется: его любопытство вознаграждено, и он выныривает на свет, прижав к груди потрепанный, но, несомненно, подлинный экземпляр первого издания «Гидриотафии»²⁴. Он спрашивает у мистера Макассо-

²³ «Синие книги» (англ. Blue Books) – собрания дипломатических документов, парламентских стенограмм, докладов королевских комиссий, статистических отчетов или иных материалов, издаваемые правительством и разными парламентскими комиссиями; появились в XVII веке (первое упоминание о них относится к 1633 году), выпускались в синих бархатных переплетах, чему и обязаны своим названием.

²⁴ «Гидриотафия» – имеется в виду книга британского врача, писателя, богослова сэра Томаса Брауна (1605–1682) «Hydriotaphia: погребение в урнах, или

ра, сколько тот хочет за книгу. Мистер Макассор поправляет очки, стряхивает с жилета две крошки нюхательного табака и, подойдя с книгой к двери, рассматривает ее как в первый раз:

– О да, восхитительный труд. Да-да, чудесный стиль, – и любовно переворачивает страницы. – «Большие станции мертвых» – как благородно звучит! – Он бросает взгляд на обложку и протирает ее рукавом. – Надо же, я и забыл, что у меня есть этот экземпляр. Когда-то он принадлежал Хорасу Уолполу²⁵, только какой-то шельмец, будь он неладен, украл экслибрис! Единственный оксфордский, между прочим, – геральдический, знаете ли. Ну что ж, сэр, раз уж вы нашли это сокровище, то, полагаю, вы вправе на него претендовать. Пять гиней – и книга ваша! Но мне тяжело с нею расставаться.

Покупатель – человек взыскательный. Найди он ту же самую книгу по убогому описанию в каталоге, то не дал бы за нее и половины запрошенной цены, учитывая ее нынешнее состояние, но азарт охотника и гордость обладания трофеем в гораздо большей степени притупили его чувство ценности, нежели все легенды о Земляничном холме²⁶. С мистером

Рассуждение о погребальных урнах, недавно найденных в Норфолке, 1658», являющаяся первой частью так называемого парного трактата, вторая его часть – «Сад Кира».

²⁵ Уолпол Хорас (1717–1797) – английский писатель, основатель жанра готического романа.

²⁶ Земляничный холм – название поместья Хораса Уолпола, в котором разви-

Макассором не поторгуешься, как с каким-нибудь простым торговцем с улицы Черинг-Кросс-роуд²⁷. Покупатель платит и уходит победителем. Вот потому-то сын мистера Макассора и может позволить себе разводить цветы у себя в колледже Магдалины, а в сезон охотиться по два дня в неделю.

Выбравшись из груженного книгами такси, Адам входит в лавку. Мистер Макассор предлагает ему понюшку из черепашьей табакерки.

– ПЕЧАЛЬНОЕ ЭТО ДЕЛО, МИСТЕР ДУР, КОГДА ПРИХОДИТСЯ ПРОДАВАТЬ КНИГИ. ОЧЕНЬ ПЕЧАЛЬНОЕ. КАК СЕЙЧАС ПОМНЮ, ПРИНОСИТ МНЕ МИСТЕР СТИВЕНСОН КНИГИ НА ПРОДАЖУ, И, ВЫ НЕ ПОВЕРИТЕ, МИСТЕР ДУР, В САМЫЙ ПОСЛЕДНИЙ МОМЕНТ, КОГДА ДЕЛО БЫЛО СЛАЖЕНО, СЕРДЦЕ ЕГО НЕ ВЫДЕРЖАЛО, И ОН ЗАБРАЛ ВСЕ КНИГИ НАЗАД. ВЕЛИКИЙ КНИГОЛЮБ МИСТЕР СТИВЕНСОН.

Мистер Макассор поправляет очки и с нежностью, но, будто одержимый любовным недугом, вампирски впиваясь в каждый изъяс, осматривает книги Адама.

– НУ-С, МИСТЕР ДУР, И СКОЛЬКО ЖЕ ВЫ ЗА ЭТО ХОТИТЕ?

Адам идет ва-банк:

– СЕМНАДЦАТЬ ФУНТОВ.

вается действие его романа «Замок Отранто».

²⁷ Улица *Черинг-Кросс-роуд* в центральной части Лондона известна множеством книжных магазинов, как специализированных, так и букинистических и антикварных.

Но мистер Макассор печально поводит головой.

Через пять минут Адам с десятью фунтами вылетает из лавки и садится в такси.

Паддингтонский вокзал

Адам в поезде на пути в Оксфорд; курит, глубоко засунув руки в карманы пальто.

– *О ней думает.*

Оксфорд

«УЗНАЛ ЛИ ТАЙНУ ТЫ ЕЕ О КНИГЕ, О ТРОЙНОЙ КОРОНЕ?»²⁸

На заставке Книга, Тройная Корона и Бык, переходящий реку вброд²⁹.

Общий вид Оксфорда из поезда: водохранилище, газовый завод и часть здания тюрьмы. Дождь.

Вокзал; два студента-индуса, потерявшие багаж. Устояв перед романтическими призывами нескольких симпатичных водителей кебов – одного даже в сером котелке, – Адам са-

²⁸ Начальная строка стихотворения «Альма-матер» сэра Артура Томаса Квиллер-Куча (1863–1944), где упоминается эмблема Оксфорда, на которой изображены книга и три короны: «Know you her secret non can utter; hers of the book, of triple crown?»

²⁹ *Бычий (Воловий) брод* – так переводится название университета Оксфорд.

дится в фордовское такси. Вдали видны улицы Квин-стрит и Хай-стрит, Башня Карфакс и читальный зал Бодлианской библиотеки Камера Рэдклиффа.

– *Мотри, Ада, собор Святого Павла!*

Кинг-Эдвард-стрит. Кеб останавливается, Адам выходит.

Кинг-Эдвард-стрит.

Комната лорда Бейсингстока

Убранство комнаты лорда Бейсингстока. На каминной полке – фотографии матери лорда Бейсингстока и двух его друзей, у всех те особенные безмятежно-глупые улыбки, что встречаются лишь у студентов выпускного курса Оксфорда, а после – только на фотографиях. Между фотографиями – несколько массивных стеклянных пресс-папье и пригласительных билетов.

На стенах – большие раскрашенные карикатуры Бэзила Хея, написанные им еще в Итоне, гравюра начала девятнадцатого века с изображением дома лорда Бейсингстока, два незаконченных наброска Эрнеста Вогана к «Изнасилованию сабинянок» и валяная войлочная картина с изображением двух собак и кошки.

Лорд Бейсингсток, против всех ожиданий, не пьет, не иг-

рает, не трясется над своими сапогами для верховой езды – он корпит над составлением коллекционных описей для своего наставника.

Лист бумаги, на котором приятным детским почерком лорда Бейсингстока написано:

«БРЭДЛАФ В. ГОССЕТТ. ПО ИТОГАМ ЭТОЙ ЗНАМЕ-
НАТЕЛЬНОЙ ПРОВЕРКИ БЫЛО УСТАНОВЛЕНО, ЧТО В
АНГЛИИ МАРШАЛЬСКИЙ ЗАКОН НЕИЗВЕСТЕН».

Он зачеркивает «маршалский», вписывает «военный», после чего сидит и страдальчески грызет ручку.

– Как мило, Адам! Я и не знал, что ты будешь в Оксфорде.

Они недолго беседуют.

– РИЧАРД, ПОУЖИНАЙ СО МНОЙ СЕГОДНЯ ВЕЧЕ-
РОМ. ТЫ ДОЛЖЕН. У МЕНЯ ПРОЩАЛЬНАЯ ВЕЧЕРИН-
КА.

Ричард бросает печальный взгляд на свою коллекционную
опись и отрицательно качает головой.

– Голубчик, никак не могу. К вечеру должен все закон-
чить. Меня того и гляди отчислят.

Адам возвращается к такси.

Комната мистера Сейла в Мертоне³⁰

Цветы, эстампы Медичи и продукция издательства «Нон-

³⁰ *Мертон* – один из колледжей в составе Оксфордского университета, основан в 1264 году лордом-канцлером Генриха III Уолтером де Мертоном.

сач-пресс»³¹. Мистер Сейл крутит на граммофоне «Послеполуденный отдых фавна»³² для некой американской тетушки. Он не сможет поужинать с Адамом.

Комната мистера Генри Квеста в еще более мерзкой части Магдалины³³

Мебель, обеспечиваемая колледжем, не слишком изменилась, разве что прибавилось несколько чудовищных подушек. Присутствуют фотографии Имоджен, леди Розмари и сына мистера Макассора, выигравшего кубок колледжа Магдалины в скачках с препятствиями. Мистер Генри Квест – секретарь Джей-си-ар³⁴, он только что напоил чаем двух первокурсников. Из-за убогой камеры его лицо выглядит по-

³¹ «*Нонсач-пресс*» – частное издательство, популярное в 1920–1930 годы; основано в 1922 году в Лондоне Френсисом Мейнеллом, его второй женой Верой Мендель и их другом Дэвидом Гарнеттом, совладельцем книжного магазина Биррелла и Гарнетта в Сохо.

³² «*Послеполуденный отдых фавна*» – одноактный балет на музыку симфонической поэмы Клода Дебюсси, хореографом и главным исполнителем был Вацлав Нижинский, декорации и костюмы Леона Бакста.

³³ *Магдалина* – имеется в виду колледж Святой Марии Магдалины в составе Оксфордского университета; основан в 1458 году Вильгельмом Уэйнфлетом.

³⁴ *Джей-си-ар* (J. C. R. – Journal Citation Reports) – издание, ежегодно публикующее отчеты о цитировании научных журналов; изначально являлось частью Индекса научного цитирования (S. C. I. – Science Citation Index). В настоящее время J. C. R. является самостоятельной услугой и базируется на цитатах, составленных из Science Citation Index Expanded и Social Science.

чти черным и фактически образует патриотическую комбинацию с его буллингдонским галстуком³⁵, к тому же у него светлые усы.

Входит Адам и приглашает его поужинать. Генри Квест не одобряет друзей сестры; Адам не переносит брата Имоджен, но они всегда подчеркнуто вежливы друг с другом.

– ПРОСТИ, АДАМ, У НАС ТУТ СЕГОДНЯ ВЕЧЕРОМ ВСТРЕЧА С ЧАТЕМОМ³⁶. ИНАЧЕ Я БЫ С ПРЕВЕЛИКИМ УДОВОЛЬСТВИЕМ. Оставайся, выкури сигарету, не хочешь? Ты не знаком с мистером Трейхерном и мистером Биккертон-Гиббсом?

Адаму нельзя задерживаться – его ждет такси.

Генри Квест извиняется перед господами Трейхерном и Биккертон-Гиббсом за вторжение Адама.

Комната мистера Эджертон-Вершойла в Пеквотере³⁷

Мистер Эджертон-Вершойл кутит с друзьями. Адам пи-

³⁵ У членов буллингдонского клуба своя униформа: синий фрак с бархатным воротничком, шелковыми лацканами цвета слоновой кости, пуговицами с монограммой клуба и галстук ярко-голубого цвета.

³⁶ Имеется в виду Чатем-Хаус (Chatham House), Королевский институт международных отношений; основан в 1920 году.

³⁷ *Пеквотер*, иначе Пеквотер-Квод (Четырехугольник Пеквотера, сокращенно Пек), – одно из общежитий Оксфордского университета, расположенное на месте средневековой гостиницы, которой управляла семья Пеквотер.

хает его ногой, тот оборачивается и говорит заплетающимся языком:

– Там еще есть, в буфете... штопор за этой, как ее... ну, ты знаешь... – и умолкает, не в состоянии связать двух слов.

Комната мистера Фернесса на соседней лестнице

Там пусто и темно. Мистер Фернесс отчислен.

Комната мистера Суизина Ланга на Бомонт-стрит³⁸

Обстановка в бело-зеленых тонах. Акварели мистера Ланга с видами Уэмбли, Ментоны и Татча. Немного ценного фарфора и горы журналов. На каминной полке – цветной, украшенный орнаментом декантер с куантро и несколько бокалов с золотыми бусинками. Повсюду видны остатки чаепития, воздух тяжелый от сигаретного дыма.

Суизин, весь в сером, читает «Татлер»³⁹.

Входит Адам. Следует экспансивный обмен приветствиями.

³⁸ *Бомонт-стрит* – улица в центре Оксфорда, в западной части которой находится Вустерский колледж, основанный в 1714 году.

³⁹ «*Татлер*» – британский журнал о моде и светской жизни, основан в 1901 году.

– Адам, взгляни на эту фотографию Сибил Андерсон. Ухохочешься, правда?

Адам ее уже видел.

Некоторое время они сидят и разговаривают.

– Суизин, сегодня вечером ты должен пойти со мной поужинать... пожалуйста!

– Не могу, Адам. У Гэбриела вечеринка в Баллиоле⁴⁰. Ты там не будешь? Ах да, ну конечно, ты же с ним не знаком. Он там с прошлого семестра – такая душа! И баснословно богат в придачу. А перед вечеринкой я даю в «Короне»⁴¹ обед на несколько персон. Я бы предложил тебе присоединиться, но, если честно, не думаю, что мои гости тебе понравятся. Жаль. А как насчет завтра? Заходи завтра в «Тейм», там и отобедаем.

Адам отрицательно качает головой:

– Боюсь, меня тут уже не будет, – и уходит.

Часом позже

Адам, все так же в одиночестве, шагает по Хай-стрит в сторону центра. Дождь перестал, и мокрая дорога вся сияет от света фонарей. Рука Адама ощупывает в кармане пузырек с ядом.

⁴⁰ *Баллиол* – колледж в составе Оксфордского университета, основан в 1263 году с благословения епископа Даремского Джона де Баллиола.

⁴¹ «*Корона*» – ресторан в Оксфорде неподалеку от колледжа Баллиол.

И опять возникает видение африканской деревни с причитающими женами.

ЧАСЫ ЦЕРКВИ СВЯТОЙ ДЕВЫ МАРИИ БЬЮТ СЕМЬ ВЕЧЕРА.

Адам внезапно ускоряет шаг: у него возникла кое-какая идея.

Комната мистера Эрнеста Вогана

Его окно выходит на четырехугольный двор одного из наиболее уродских и наименее популярных колледжей на полпути от уборных до часовни. Жалюзи наполовину вылезли наружу, так что днем в комнате Эрнеста царит сумрак преисподней, а по ночам свет его лампы заливает весь двор, обнажая нутро непревзойденного беспутства. Суизин однажды заметил, что жилище Эрнеста, как и сам Эрнест, является собой облачный столп днем и огненный – ночью⁴². На стенах ни одной картины, не считая незаконченного наброска сэра Вельзевула, требующего себе рому; но и этот набросок, припиленный туда еще до начала прошлого семестра, побвис на углах; забрызганный вином и подпираемый несчетным количеством плеч, он стал покрываться почти такой же «патиной», что и стены. Надписи и рисунки Эрнеста, от по-

⁴² В библейском ветхозаветном повествовании форма дневного явления Бога или Его Ангела при исходе евреев из Египта, а в ночное время – в виде огненного столпа. Исх. 14: 19, Исх. 13: 21, 22, Исх. 33: 8–10, Исх. 4: 5.

чти вдохновенных карикатур до пустых или непристойных каракулей, свидетельствуют о разных стадиях его опьянения.

«Какой такой Бах? Впервые слышу. Э. В.», – бежит через дверь спальни полоска нестройных буковок, начертанных красным мелком.

«UT EXULTAT IN COITU ELEPHAS, SIC RICARDUS»⁴³, – венчает мастерски выполненный портрет кроткого Ричарда Бейсингстока.

Над камином просматривается крупная композиция «Рождение королевы Виктории». На столе – разбитые бутылки, грязные стаканы и гранки с невнесенной корректурой; на углу каминной полки – изящный декантер, в котором разбитый стоппер заменен обычной пробкой. Эрнест сидит в хромом плетеном кресле и с неожиданной ловкостью прикрепляет перья к дротикам для дартса. Молодой коренастый крепыш с маленькими злыми глазками под красивым высоким лбом. Его когда-то добротный твидовый костюм заляпан вином и краской, но все же хранит черты несомненной исключительности. Студентки-выпускницы довольно часто влюбляются в него в тех редких случаях, когда он приходит на лекции.

– *Большевик!*

Допустимая ошибка, но – ошибка. До исключения за про-

⁴³ «Так возрадуется же слон половому акту, как Рикардо» – аллюзия на расхожее латинское выражение «Post coitum omne animal triste est sive gallus et mulier» («После соития всякая тварь печальна – кроме петуха и женщины»); выражение приписывается Галену из Пергама, также встречается у Кинси и Фрейда.

сроченную уплату членских взносов Эрнест был заметной фигурой среди членов джентльменского Консервного клуба⁴⁴.

Адам входит в ворота колледжа Эрнеста, возле которых толкуются двое-трое юнцов, с отсутствующим видом разглядывая доску объявлений. Когда Адам проходит мимо них, они оборачиваются, бросая на него хмурые взгляды.

– Очередной дружок Вогана.

Теми же взглядами они провожают его через весь двор, до общежития Эрнеста.

Эрнест несколько удивлен визитом Адама, который в действительности никогда не проявлял к нему особо теплых чувств. Тем не менее он наливает гостю виски.

Полчаса спустя

Снова полил дождь. В колледже Эрнеста вот-вот подадут ужин, так что крытая галерея битком набита молодыми людьми в потрепанных мантиях, все тупо пялятся на доски объявлений. Тут и там один-другой кричаще яркий костюм с *plus fours*⁴⁵ возвещает о щедрости стипендиального фонда

⁴⁴ Вероятно, имеется в виду джентльменский Консервный клуб, иначе Каннингг (англ. Canning Club), образован в 1911 году в Лондоне, был связан с британским бизнесом в Латинской Америке, что отражалось в его первоначальном названии – Аргентинский.

⁴⁵ Бриджи (фр.).

Родса⁴⁶. Адам и Эрнест продираются сквозь толпу мужчин, неодобрительно шипящих им вслед, как крестьяне – вслед какому-нибудь проходящему черному магу.

– НЕ СТОИТ ТАЩИТЬ МЕНЯ НИ В КАКОЙ КЛУБ, ДУР, – БЕЗ ТОЛКУ, Я ДАВНО У НИХ У ВСЕХ В ЧЕРНЫХ СПИСКАХ.

– *Чего только не бывает – и это в Оксфорде!*

Час спустя. В «Короне»

Адам и Эрнест еще только завершают ужин, но оба обнаруживают признаки интоксикации.

Обеденный зал в «Короне» имеет мало сходства с эпикурейской мечтой Адама. От стен, претенциозно расписанных видами Оксфорда, гулко отдается грохот грязной посуды. Званный обед Суизина только что закончился, гости разошлись, оставив помещение неизмеримо более тихим. Те три женщины, что до последнего момента разыгрывали в уголке подборку из Гилберта и Салливана⁴⁷, закончили работу и сели поужинать. Какой-то студент-выпускник, очень ши-

⁴⁶ Фонд Родса (Rhodes Trust) – образовательно-благотворительный фонд, учрежденный в 1902 году по завещанию алмазного магната Сесила Джона Родса (1853–1902) для обучения в Оксфорде студентов из Британской империи, США и Германии, а в дальнейшем и из других стран.

⁴⁷ Уильям Гилберт (1836–1911) и Артур Салливан (1842–1900) – творческий дуэт либреттиста и композитора, создавших 14 комических опер (оперетт) с элементами абсурда.

роким жестом подписавший счет, полемизирует с управляющим. За соседним с Адамом столиком расположились трое молодых людей с намотанными на шею мантиями и заказали кофе и булочки со сливками; в ожидании они обсуждают профсоюзные выборы.

Адам заказывает очередную порцию двойного виски.

Эрнест настаивает на том, чтобы послать бутылку джина компании за соседним столом. Те отвергают ее с явным отворачиванием и вскоре поднимаются и уходят.

Адам заказывает еще одну порцию двойного виски.

Эрнест начинает набрасывать на скатерти портрет Адама.

Он дает ему название «Le vin triste»⁴⁸, и по мере продолжения ужина Адам и в самом деле становится все грустнее и грустнее, тогда как гость его еще больше развеселился. Он, как заведенный, выпивает и заказывает, выпивает и заказывает.

В конце концов они, изрядно шатаясь, поднимаются на выход.

С этого момента фильм превращается в последовательность обрывочных сцен, разбросанных среди сотен футов абракадабры.

– Опять все как-то странно, Ада. Считаешь, так и задумано?

Публичный дом в трущобах. Адам прислоняется к небольшому диванчику и оплачивает бессчетное количество

⁴⁸ «Грустное вино» (фр.).

пинт пива для толпищ оборванцев. Эрнест поглощен жаркой перепалкой о контроле рождаемости с нищим, которого он только что обыграл в дартс.

Еще один публичный дом: Эрнест, осаждаемый двумя сводниками, яростно сопротивляется, отговариваясь тем, что у него нестандартные вкусы.

Адам обнаруживает в кармане бутылку джина и пытается подарить ее какому-то мужчине, вмешивается его жена, в итоге бутылка падает на пол и разбивается.

Адам и Эрнест в такси; они ездят от колледжа к колледжу, но их никуда не пускают. Затемнение.

ВЕЧЕРИНКА ГЭБРИЕЛА в Баллиоле пользуется грандиозным успехом. Приличное общество, люди в основном непьющие. Есть шампанское, декантеры с виски и бренди, но большинство гостей Гэбриела предпочитают танцы. Другие сидят поодаль и разговаривают. Квартира большая, хорошо обставленная, создается впечатление живописности и удобства. Есть гости в маскарадных костюмах: одна королева Виктория, одна сапфистка⁴⁹ и два генерала Гордона⁵⁰. Актер мюзкомедии, который остается у Гэбриела на уик-энд, стоит возле граммофона и перебирает пластинки; приглашенный

⁴⁹ Последовательница Сафо (Сапфо), лесбиянка.

⁵⁰ *Генерал Гордон* – имеется в виду Патрик Леопольд Гордон Охлурирский (1635–1699, в России известен как Петр (Патрик) Иванович Гордон), выдающийся шотландский и российский военачальник, генерал (1687) и контр-адмирал (1694) русской службы; основал в Москве первый в России постоянный католический храм.

в качестве почетного гостя, он умирает от скуки.

Генри Квест сбежал со встречи с институтом Чатема и теперь, попивая виски и посматривая на всех неодобрительным взглядом, пересказывает новости о последних дипломатических назначениях. Лорд Бейсингсток поддерживает с ним разговор, так как его мысли все еще заняты Конституцией Австралийского Содружества. Суизин распускает хвост перед почетным гостем, стараясь вызвать его восхищение. Мистер Эджертон-Вершойл сидит совсем бледный, жалуясь на озноб.

Входит мистер Сейл из колледжа Мертон.

– ГЭБРИЕЛ, ТЫ ТОЛЬКО ПОСМОТРИ, КОГО Я ОБНАРУЖИЛ ВО ДВОРЕ! МОЖНО Я ПРИВЕДУ ЕГО К НАМ?

Он втаскивает Адама в комнату, тот стоит с разбитой бутылкой джина в руке, тупо озираясь вокруг.

Кто-то наливает ему бокал шампанского.

Вечеринка продолжается.

За окном чей-то голос ревет: «АДАМ!» – и в дверь вдруг врывается вдребезги пьяный Эрнест. Волосы взъерошены, взгляд остекленелый, лицо и шея багровые и сальные. Он бухается в кресло и впадает в ступор; кто-то дает ему выпить, он машинально берет бокал и проливает вино на ковер, продолжая смотреть прямо перед собой.

– АДАМ, ЭТО ЧТО, ТВОЙ ДРУГ? НЕВОЗМОЖНЫЙ ТИП, УВЕДИ ЕГО, А ТО ГЭБРИЕЛ ДИКО РАЗОЗЛИТСЯ.

– ЭТО ЧУДЕСНЕЙШИЙ ЧЕЛОВЕК, ГЕНРИ. ПРОСТО

ТЫ ЕГО НЕ ЗНАЕШЬ. ПОЙДЕМ ПОГОВОРИМ С НИМ.

И Генри, к его вящему отвращению, ведут через зал и представляют Эрнесту. Сначала Эрнест вроде бы ничего не слышит, но потом медленно поднимает взгляд, пока тот не упирается в Генри; еще одно усилие – и он начинает соображать, чего от него хотят.

– КВЕСТ? КАКОЙ-ТО РОДИЧ БАБЫ АДАМА?

Назревает скандал. Его-то и не хватало для пущей унылости этого вечера – написано на лице актера музыкальной комедии. Генри весь презрение и негодование.

– ИМОДЖЕН КВЕСТ – МОЯ СЕСТРА, ЕСЛИ ВЫ ЭТО ИМЕЕТЕ В ВИДУ. КТО ВЫ ТАКОЙ, ЧЕРТ ПОДЕРИ, И НА ЧТО НАМЕКАЕТЕ, ГОВОРЯ О НЕЙ В ТАКОМ ТОНЕ?

Гэбриел бестолково мечется на заднем плане.

– Уймись, Генри, ты что, не видишь, что этот оборкот вдрызг пьян? – примирительно вступает Ричард Бейсингсток.

Суизин просит Адама увести Эрнеста. Все крайне взбодражены.

Но Эрнест по-своему избавляет всех от лишних треволнений:

– ЗНАЕТЕ, МЕНЯ, КАЖЕТСЯ, СЕЙЧАС СТОШНИТ.

И беспрепятственно, с безупречным достоинством проделывает путь во двор. Из граммофона льется «Всем по нраву моя крошка». Затемнение.

Либеральная ассоциация Оксфорд-сити.

Танцы в ратуше

Билеты продают при входе, цена – полтора шиллинга.

На верхнем этаже стол с кувшином лимонада и тарелками со сливовым пирогом. В главном зале играет оркестр, под который танцуют молодые либералы. Одна из официанток «Короны» сидит возле двери, обмахиваясь носовым платком.

Эрнест с сияющей улыбкой медленно обходит помещение, предлагая сидящим поодаль парочкам сливовый пирог. Одни хихикают и берут, другие хихикают и отказываются, третьи отказываются, состроив мину чрезвычайного высокомерия.

Адам прислоняется к дверному косяку и наблюдает за Эрнестом.

Крупный план: на лице Адама все то же выражение беспросветного страдания, которое было у него в такси прошлой ночью.

Le vin triste

Эрнест пригласил на танец официантку из «Короны». Неосмотрительно с его стороны: все еще пребывая в приподнятом настроении, он сталкивается с несколькими парами, теряет устойчивость, оступается и давно бы повалился на пол, если бы не партнерша. Церемониймейстер в вечернем костюме просит Адама увести Эрнеста.

Широкая каменная лестница.

Возле ратуши припарковано несколько машин. Эрнест забирается в первую попавшуюся – дряхлый «форд» – и включает зажигание. Адам пытается его остановить. Подбегает полисмен. Колеса вывернуты, рывок – и автомобиль снимается с места.

Полисмен свистит в свисток.

На полпути до конца улицы Сент-Олдейтс автомобиль натыкается на поребрик и, вылетев на тротуар, врезается в витрину магазина. Со всех сторон стекаются обитатели Сент-Олдейтс; в каждом окне маячат силуэты любопытствующих; прибывают полицейские. Толпа отступает, давая дорогу тем, кто выносит что-то непонятное.

Адам отворачивается и бесцельно бредет в сторону Карфакса.

Часы церкви Святой Девы Марии бьют полночь.

Снова пошел дождь.

Адам один.

Спустя полчаса. Спальня в отеле

Адам в полной амуниции лежит ничком поперек постели. Переворачивается и садится. И снова видение туземной деревни: дикарь дотащился до самого края джунглей. Спи-на его лоснится на вечернем солнце. Из последних сил он поднимается на ноги, быстрым нетвердым шагом доходит до первых кустов и вскоре пропадает из виду.

Адам приводит себя в устойчивое положение возле изножья кровати, подходит к туалетному столику и, наклонясь над ним, долго разглядывает свое отражение в зеркале.

Затем подходит к окну и всматривается в дождь.

Наконец достает из кармана синий пузырек, откупоривает его, нюхает и без дальнейших колебаний выпивает содержимое. Кривится от горечи и на мгновение замирает в нерешительности. Затем, повинаясь какому-то странному инстинкту, выключает свет и, свернувшись калачиком, закутывается в покрывало.

Дикарь неподвижно лежит у подножия низкого баньяна⁵¹. На плечо его садится большая муха; на ветке над ним распо-

⁵¹ *Баньян*, или бенгальский фикус, – дерево семейства тутовых с многочисленными воздушными корнями, произрастает в Индии, Бангладеш и Шри-Ланке. В переводе означает «дерево просветления», бодхи; используется в буддийском религиозном культе.

ложились два стервятника, выжидают. Тропическое солнце движется к закату, и в краткие минуты сумерек животные начинают рыскать в поисках утоления непристойных прихотей плоти. Вскоре становится совсем темно.

В ночи вспыхивает фотография его величества короля в морской форме.

Боже, храни короля

Кинотеатр быстро пустеет.

Молодой человек из Кембриджа отправляется в ресторан «Оденино» пропустить кружку «Пильзенского».

Ада и Глэдис проходят сквозь ливрейный строй обслуживающего персонала.

Глэдис, наверное, раз в пятидесятый за вечер произносит свою коронную фразу: «Ладно, бу'ем считать, что он легкий».

– От бы она больше не приходила!

Снаружи толпа народу, все хотят ехать в Эрлс-Корт. Ада и Глэдис мужественно сражаются за возможность пробиться в автобус и в итоге обеспечивают себе места на втором этаже.

– Ты! Куда прешь? Мотреть надо!

Добравшись до дому, они, разумеется, выпьют перед сном какао, а может, съедят и по кусочку хлеба с баночным селедочным паштетом. В целом вечер был не ахти, сплошное разочарование. Но в кино, как говорит Ада, приходится при-

нимать и добро, и зло.

Глядишь, на следующей неделе покажут что-нибудь повеселее.

С Ларри Семоном⁵², к примеру, или Бастером Китоном – ну, вдруг?

Заключение

I

Чай остывал на тумбочке для ночного горшка. Адам Дур лежал, уставившись в пустоту.

Вчерашнего дождя как не бывало, и маленькую спальню заливало солнце, озаряя ее приветливыми, но не приветствуемыми лучами. С площадки под окном доносилось назойливое тарыхтение автозапуска, безуспешно пытавшегося реанимировать холодный двигатель. В остальном все было спокойно.

Он мыслил – следовательно, существовал⁵³.

Из гнетущего множества настигших его болезней и гру-

⁵² Ларри Седон (1889–1928) – американский комедийный актер, режиссер, продюсер, сценарист в эпоху немого кино.

⁵³ Парафраз афоризма Декарта «Je pense, donc je suis» («Рассуждение о методе», 1637), больше известный в переводе на латынь: «Cogito, ergo sum» – «Мыслю, следовательно, существую».

за беспорядочных воспоминаний одно лишь это суждение навязывало себя с опустошительным упорством. Каждый из проступающих образов выдвигал очередное доказательство его существования; в полной амуниции, он всем телом вытянулся под покрывалом и с непостижимым отчаянием уставился в потолок, тогда как его воспоминания о предыдущем вечере – об Эрнесте Вогане с раздувшейся шеей и немигающим взглядом, о трущобном баре и алчных физиономиях парочки тамошних сводников, о ханжески покрасневшем Генри, о продавщицах в шелковых блузках, угощавшихся сливовым пирогом, о помятом «форде» в разбитой витрине – боролись за приоритет в его пробуждающемся сознании, пока не расположились в довольно стройном хронологическом порядке, хотя последним неизменно оставался синий пузырек – плюс ощущение грубо сорванного финального акта. В данный момент пузырек стоял на туалетном столике, пустой, лишенный того, что давало полномочия отсрочить исполнение смертного приговора, чай же остывал на тумбочке для ночного горшка.

После всех хаотичных впечатлений, которые так болезненно и неуклюже старался упорядочить Адам, на удивление четко проступили последние минуты перед тем, как он выключил свет. Он видел безутешное белое лицо, смотревшее на него из зеркала; он ощущал горько-соленый вкус яда на спинке языка. А потом, когда призрак этого вкуса начал главенствовать в поле его сознания, внезапно, будто прорвав

некий заградительный барьер, нахлынуло еще одно воспоминание, смывая мощной волной все прочие. Он вспомнил, словно в каком-то кошмаре, отдаленно и в то же время бесконечно ясно, как просыпается во тьме, ощущая в сердце холод смерти; он встал с постели, доковылял до окна и высунулся наружу, подставив лицо прохладным флюидам ночного воздуха и слушая, как ровная монотонность дождя забивает барабанную дробь крови, пульсирующей у него в голове. Мало-помалу, пока он, сам не зная, как долго, стоял там не шелохнувшись, к горлу подкатила тошнота; он отогнал ее усилием воли, но она вернулась вновь; опьяненный разум ослабил сопротивление: Адам, напрочь забыв о цели и отбросив сдержанность, всем существом отдался порыву, и его вытошнило прямо во двор под окном.

Чай медленно и неощутимо остывал на тумбочке для ночного горшка.

II

В незапамятные времена извечного детства Адама утомленный игрой с ним Озимандия⁵⁴ запрыгнул на шкаф для

⁵⁴ *Озимандия* – греческая версия тронного имени фараона Рамсеса II – Усермаатра, чья статуя в виде фрагмента головы и торса (XIII век до н. э.) была в 1816 году приобретена Британским музеем. В английский литературный обиход Озимандия вошел благодаря одноименному сонету Перси Биши Шелли, опубликованному 11 января 1818 года в еженедельной газете «Экзаминер». «Я Озимандия, я царь царей!» Основная тема сонета Шелли – забвение, которое грозит

игрушек. Это была странная игра и для него самого, и для Озимандии, игра в охоту, которую Адам сам придумал и в которую играл лишь в тех редких случаях, когда оставался один. Сначала Озимандию надо было искать по всем комнатам, переходя из одной в другую, а найдя – отнести в детскую и запереть. Адам наблюдал за ним несколько минут, пока тот расхаживал по полу и обследовал комнату кончиком хвоста, всем своим видом выражая безмерное отвращение к европейской цивилизации. Затем, вооружившись ружьем, мечом, ракеткой или горстью метательных кубиков и испуская садистские вопли, Адам круг за кругом гонялся за Озимандией по комнате, выдворяя его из одного укрытия за другим, пока тот, ошалеv от ярости и страха, не приседал по-звериному, прижав уши к голове и ошетинившись, как дикобраз. Тут Адам обычно успокаивался, а после небольшой передышки игра превращалась в настоящую профессиональную охоту. Озимандию предстояло заново покорить ради любви и собственного удовлетворения. Адам то садился на пол невдалеке от него и с подкупающей нежностью начинал его подманывать. То ложился на живот, приблизив лицо к Озимандии, насколько тот позволит, и шепотом расточал щедрые похвалы его красоте и грации, по-матерински успокаивал, бранил некоего вымышленного мучителя, уверяя, что тот уже никогда не сможет причинить ему боль: Адам его защитит, Адам проследит, чтобы тот гадкий мальчишка больше близко к

нему не подошел. Постепенно ушки Озимандии начинали клониться вперед, глазки закрывались, и ритуал подольщения неизменно заканчивался ласками жаркого примирения.

Но в тот памятный вечер Озимандия играть не захотел и, как только Адам внес его в детскую, расположился в недоступном святилище – на высоком шкафу для игрушек. Он сидел в пыли среди сломанных паровозиков, домиков и лошадок, а мальчик, не отступая от своей цели, все звал и звал его, с печальным видом сидя на полу. Но Адама не так-то легко было сломить в его семь лет, и вскоре он начал двигать к шкафу детский столик. Придвинув столик, он водрузил на него солдатский сундук, а на сундук поставил стул. Места было мало, Адам крутил стул и так и сяк, но все четыре ножки на сундуке не помещались, тогда, удовлетворившись неустойчивым равновесием, он взгромоздился на него, балансируя на трех. Когда его руки находились в какой-то паре дюймов от мягкой шерстки Озимандии, он, опрометчиво ступив на безопорную часть стула, сверзился вместе с ним сначала на стол, а со стола – с грохотом и криком на пол.

Адам был слишком хорошо воспитан, чтобы жить воспоминаниями о своем дошкольном детстве, но этот инцидент засел в его памяти и с годами всплывал все яснее и ярче, будучи первым случаем осознания боли как субъективной реальности. До этого жизнь его была так надежно ограничена предупреждениями об опасности, что на тот момент казалось немыслимым, чтобы он смог так легко прорваться

в сферу допустимости телесного повреждения. Это и в самом деле казалось настолько несовместимым со всем предшествующим опытом, что потребовался весьма ощутимый период времени, чтобы Адам смог убедиться в непрерывности своего существования; но благодаря богатству гебраических и средневековых образов, в которых символически отображалась жизнь вне тела, он в тот момент мог с легкостью поверить в свое собственное физическое угасание и в нереальность всех окружающих его физических объектов. Позднее он научился воспринимать эти периоды между своим падением и пугающим пришествием помощи снизу как первые порывы к борьбе за обособление, в которой он потерпел поражение, что не без почти безумного усилия окончательно признал в спальне оксфордского отеля.

Первая фаза обособления прошла, и наступила фаза методичного исследования. Почти одновременно с принятием своего непрерывного существования пришло понимание боли — поначалу смутное, как исполняемая кем-то мелодия, которую его органы чувств воспринимали приступообразно, — но постепенно оформлявшееся вокруг него в виде осязаемых, реально приобретенных предметов, пока наконец не возникло как конкретная вещь, внешняя, но внутренне с ним связанная.

Подобно тому как сгоняют ложкой шарики ртути, Адам гонял боль по стенам своего сознания, пока наконец не загнал в тот угол, где мог исследовать ее на досуге. Продолжая

неподвижно лежать с момента падения, обхватив руками и ногами деревянные ножки стула, Адам сумел сосредоточить внимание на каждой части своего тела по очереди, исключить хаотичные ощущения, вызванные падением, и отследить по вибрирующим каналам некоторые компоненты болевых импульсов до их источников в местах физических повреждений. Процесс был почти завершен, когда появление няни позволило мальчику залиться слезами и разорвало все его запутанные логические цепочки.

И вот в каком-то таком расположении духа Адам примерно час спустя после пробуждения шагал по бечевнику⁵⁵ прочь из Оксфорда. Он был в той же одежде, в которой заснул, но в состоянии интеллектуальной взъерошенности его мало волновало, как он выглядит. Все витавшие вокруг него призраки начинали рассеиваться, уступая место более четким образам. Он позавтракал в мире фантомов, в огромном зале, полном недоумевающих глаз, гротескно выпирающих из монструозных голов, нависших над дымящейся овсянкой; марионеточные официанты совершали вокруг него пируэты неуклюжими жестами. Вся эта макабрическая пляска призраков кружилась и мельтешила вокруг него, и, лавируя между ними внутри и снаружи, Адам набрел на свой путь, осознавая одну лишь насущную потребность, просочившуюся к нему из внешнего мира, – срочно сбежать со сцены, на кото-

⁵⁵ *Бечевник* – сухопутная дорога вдоль берега реки или канала, предназначенная для буксирования людьми (бурлаками) или лошадьми.

рой разыгрывалась бестелесная арлекинада, в третье измерение за ее пределами.

И за то время, что он шел вдоль реки, очертания рисунка то проступали, то снова исчезали, а призраки минувшей ночи то разлетались, то сбивались в кучу, то выстраивались в перспективу, и Адам точно так же, как ребенком в детской, начал чувствовать свои синяки.

Где-то среди красных крыш за рекой вразнобой звонили колокола.

Двое мужчин сидели на берегу и удили рыбу. Они с любопытством глянули на него и вновь сосредоточили внимание на своей пустой забаве.

Мимо прошествовала маленькая девчушка, в фрейданском экстазе посасывая большой палец.

Через некоторое время Адам сошел с тропинки, улегся под насыпью и милостью Божьей заснул.

III

Сон не был ни долгим, ни непрерывным, но после него Адам ощутил прилив сил и, немного переждав, снова пустился в путь.

На белом пешеходном мостике он притормозил и, разжигая трубку, посмотрел вниз, на свое преломленное рябью

отражение. По нему со спенсерианской⁵⁶ грацией величаво проплыл большой лебедь, а когда расплескавшиеся фрагменты отражения Адама стали вновь собираться в единый образ, казавшийся особенно гротескным на фоне безукоризненного совершенства птицы, он, сам того не замечая, заговорил вслух:

– Ну вот, в итоге ты опять стоишь на пороге новой жизни.

С этими словами он достал из кармана конверт, адресованный Имоджен, и разорвал его на мелкие кусочки. Будто стая раненых птиц, они кувыркались и планировали в воздухе, пока, достигнув поверхности воды, не были захвачены течением и не скрылись из виду за поворотом реки, унесенные в сторону города, только что покинутого Адамом.

Отражение отвечало:

«Да, пожалуй, это было недурно. В конце концов, *imperatrix*⁵⁷ ведь не самый удачный эпитет для Имоджен – и, кстати, ты уверен, что она понимает латынь? А ну как ей взбрело бы в голову попросить Генри перевести это для нее?

Но ответь, не значит ли этот живописный жест, что ты решил жить дальше? Вчера ты вроде был так бесповоротно настроен на моментальную смерть – даже поверить трудно, что ты способен передумать».

⁵⁶ *Герберт Спенсер* (1820–1903) – английский философ и социолог, один из основателей эволюционизма, идеолог либерализма. По Спенсеру, жизнь есть непрерывный процесс перехода от гомогенного состояния к гетерогенному и от гетерогенного к гомогенному.

⁵⁷ Императрица (*лат.*).

АДАМ: Мне трудно поверить, что это я вчера был так бесповоротно настроен. Я не в состоянии это объяснить, но у меня такое впечатление, будто существо, которое выживает – и, должен признать, с величайшей ясностью в памяти, – родилось во сне, пило и умерло во сне.

ОТРАЖЕНИЕ: Любило тоже во сне?

АДАМ: А вот тут ты меня ущучил, ибо, как мне кажется, одна лишь его любовь имеет что-то общее с реальностью. Но, возможно, я просто пасую перед насыщенностью и глубиной памяти. Да, пожалуй, так и есть. Потому что остатки того существа не более материальны, чем ты – отражение, распавшееся из-за проплывшей мимо птицы.

ОТРАЖЕНИЕ: Это печальное заключение, так как я боюсь, что ты пытаешься отбросить – как тень – существо, столь же реальное во всех отношениях, как ты сам. Но в твоём нынешнем настроении было бы бесполезно тебя убеждать. Скажи лучше, что за тайну ты узнал, заснув там, в траве?

АДАМ: Да не узнал я никакой тайны – просто чуть-чуть восстановил силы.

ОТРАЖЕНИЕ: Разве так просто расшатать равновесие между жизнью и смертью?

АДАМ: Это равновесие между инстинктивной потребностью и причиной. Причина остается постоянной, потребности – меняются.

ОТРАЖЕНИЕ: То есть потребности в смерти не суще-

ствуется?

АДАМ: Той, которую нельзя было бы утолить сном, переменной или банально переживая время, – нет.

ОТРАЖЕНИЕ: А в другом масштабе нет причины?

АДАМ: Нет. Ни в каком.

ОТРАЖЕНИЕ: Ни честь быть замеченным друзьями? Ни та степень взаимопроникновения, когда невозможно уйти из жизни, не прихватив с собой того, что является частью другого?

АДАМ: Нет.

ОТРАЖЕНИЕ: А твоё искусство?

АДАМ: Все та же потребность в жизни – сохранить в очертаниях вещей личность, распад которой ты неизбежно предвидишь.

ОТРАЖЕНИЕ: Значит, в этом и состоит равновесие – и в конечном счёте всё решает обстоятельство.

АДАМ: Да, в конечном счёте – обстоятельство.

Продолжение

Все они на один день приехали в Татч, в девятёрку: трое – в «моррисе» Генри Квеста, остальные – в огромной старой колыхающей, принадлежащей Ричарду Бейсингстоку. Миссис Хей ждала только Генри Квеста и Суизина, однако она милостиво взмахнула пухлой ручкой – и слуги занялись поисками съестного для остальных. Так приятно жить недалеко

ко от Оксфорда, да и друзья Бэзила явно очарованы этим городком, пусть даже иногда ведут себя странновато. Все они так тараторят, что ей трудно бывает уследить за ходом разговора, к тому же они никогда не заканчивают фразы, впрочем, это и не важно, потому что они вечно говорят о людях, которых она не знает. Милые мальчики, на самом деле они вовсе не такие грубые, какими кажутся, – они так хорошо воспитаны, и так приятно видеть, что они чувствуют себя здесь совсем как дома. О ком это они?

– Нет, Имоджен, он и правда становится совершенно невыносимым.

– Тебе не передать, на кого он был похож позавчера вечером.

– В тот самый день, когда ты сюда приехала.

– Гэбриел устраивал званый вечер.

– А он с Гэбриелом не знаком и приглашен не был.

– Очень он нужен Гэбриелу! Правда, Гэбриел?

– Потому что никогда не знаешь, что он может отмочить.

– Еще и притащил с собой это чудовище.

– К тому же в стельку пьяного!

– Это Эрнест Воган, ты вряд ли с ним знакома. Мерзейший тип! Гэбриел был с ним безупречно любезен.

Прелестные мальчики, так молоды, так нетерпимы.

И все же, если им так хочется курить между переменами блюд, могли бы и поаккуратнее с пеплом. Тот смугленький мальчик напротив (Бэзил вечно забывал представить ей сво-

их друзей) того и гляди сожжет стол.

– Эдвард, подай тому джентльмену рядом с лордом Бейсингстоком еще одну пепельницу.

О чем же они говорили?

– Знаешь, Генри, я думаю, это было довольно глупо с твоей стороны. Какое мне дело до того, что обо мне говорит какой-то пьяный забулдыга?

Какой милой девочкой была Имоджен Квест! Не чета ее отцу, гораздо проще. Миссис Хей всегда побаивалась отца Имоджен. И начала подозревать, что и Генри в него пошел. До чего же она обворожительна сейчас. И почему, интересно, все мальчишки не влюблены в нее? То ли дело миссис Хей в молодости – все были от нее без ума. Что-то ни один из друзей Бэзила не отличается «матримониальными наклонностями». Вот бы Бэзил женился на ком-нибудь вроде Имоджен Квест...

– Хотя знаете, мне кажется, я все-таки знакома с Эрнестом Воганом. Или, по крайней мере, кто-то мне однажды его показывал. Не ты ли, Суизин?

– Да, я. Ты еще сказала, что, на твой взгляд, он весьма привлекателен.

– Имоджен!

– Боже правый!

– Но я и правда так думаю. Это не тот грязный коротышка с огромной шевелюрой?

– Вечно вдрызг.

– Да, я помню. По-моему, он совершенно очарователен. Я хочу познакомиться с ним подобающим образом.

– Окстись, Имоджен! Он и правда ужасен, даже чересчур.

– Не его ли это картины в квартире у Ричарда? Ричард, пригласишь меня как-нибудь, чтобы нас с ним познакомить?

– Нет, Имоджен, я точно не смогу.

– Тогда пусть кто-нибудь другой... Давай ты, Гэбриел, ну пожалуйста! Я настоятельно требую нас познакомить.

Милые детки, такие юные, такие шикарные.

– Нет, по-моему, это полное свинство с вашей стороны. Но я все равно с ним увижусь. Попрошу Адама, он все устроит.

Стол был прожжен.

– Я думаю, Эдвард, погода вполне подходящая для того, чтобы выпить кофе на свежем воздухе.

Перевод Л. Житковой

Благородное семейство

I

В Ванбург я прибыл без пяти час. Дождь к этому времени разошелся, и на мрачном станционном дворе было пусто, не считая бесхозного, с виду насквозь продуваемого такси. Нет бы выслать за мной машину.

Далеко ли до Стейла? Около трех миль, ответил билетный контролер. В какой части Стейла меня могут ждать? У герцога? Тогда это через всю деревню и еще с добрую милю в сторону.

И в самом деле могли бы выслать машину.

Без особого труда я нашел водителя такси, угрюмого цинготного молодого человека, который вполне мог сойти за отпетого забияку из какой-нибудь давно забытой школьной истории. До некоторой степени утешала мысль, что он промокнет больше, чем я. Гнал парень зверски.

Миновав перекресток в Стейле, мы, по всей видимости, уткнулись в нечто похожее на ограду парка: бесконечная полуразрушенная стена тянулась мимо закутков и излучин с голыми деревьями, с которых на прокопченную каменную кладку стекала вода. Наконец в стене обнаружился проем со сторожками и воротами — четырьмя воротами и тремя сто-

рожками, а сквозь чугунную решетку виднелась убегающая вдаль неухоженная подъездная аллея.

Но ворота были закрыты и заперты на висячий замок, а большая часть окон в сторожках – разбиты.

– Там дальше еще несколько ворот, – пояснил школьный забияка, – а за ними еще, и за теми тоже. Должны же они, наверное, иногда как-то входить и выходить.

Наконец мы обнаружили белые деревянные ворота и проселочную дорогу, петлявшую между хозяйственными постройками и выходившую к главной подъездной аллее. Территория парка была с обеих сторон обнесена оградой и, судя по всему, отведена под пастбища. Одна грязнущая овца забрела на дорогу и при нашем приближении встревоженно заковыляла прочь, то и дело поглядывая из-за плеча в нашу сторону и снова отбегая, пока мы ее не обогнали. Показался последний из всех домов, вольготно раскинувшийся во все стороны.

Парень истребовал за доставку восемь шиллингов. Я расплатился и позвонил в колокольчик.

После некоторой проволоочки дверь мне открыл какой-то старик.

– Мистер Воган, – назвал я себя. – Кажется, его светлость ожидает меня к обеду.

– Да, милости прошу, заходите, – сказал старик, а когда я протянул ему шляпу, добавил: – Я и есть герцог Ванбург. Надеюсь, вы простите мне, что я сам открываю вам дверь.

Дворецкому сегодня нездоровится, он в постели – зимой его мучают жуткие боли в спине, а оба лакея убиты на войне.

Убиты на войне... – эти слова беспрестанно крутились у меня в голове все следующие несколько часов и много дней после. Опустошающее, давно прошедшее время спустя, по меньшей мере лет десять, а может, и больше... Мисс Стайн и протяженное настоящее; герцог Ванбург и протяженное давно прошедшее в страдательном залоге...

Я не был готов оказаться в комнате, в которую он меня привел. До этого я лишь однажды, двенадцати лет от роду, побывал в герцогском доме, и, помимо фруктового сада, моим главным воспоминанием о том визите стало воспоминание о нестерпимом холоде и о том, как я бежал вверх по бесконечным коридорам за матушкиной меховой пелериной, которую она накидывала на плечи после ужина. Правда, это происходило в Шотландии, и все же я оказался совершенно не готов к опаляющему жару, обдавшему нас, когда герцог отворил дверь. Двойные окна наглухо закрыты, а в угольном камине за круглой викторианской решеткой ярко полыхал огонь. Воздух был тяжелый от запаха хризантем, на каминной полке стояли позолоченные часы под стеклянным колпаком, а в комнате повсюду маленькие застывшие ассамбляжи⁵⁸ китайского фарфора и всяких безделушек. Таковую комнату можно обнаружить в здании «Ланкастер-Гейт»

⁵⁸ *Ассамбляж* – техника визуального искусства, родственного коллажу, но использующая объемные предметы, скомпонованные на плоскости в виде картины.

или в отеле «Элм-Парк-Гарденс»⁵⁹, где вдова какого-нибудь провинциального рыцаря доживает свой век среди верных слуг. Перед огнем сидела старая леди и ела яблоко.

– Дорогая, это мистер Воган, тот самый, который повезет Стейла за границу, – моя сестра, леди Эмили. Мистер Воган только что приехал на моторе из Лондона.

– Нет, я приехал на поезде, в 12:55, – поправил я.

– Это не слишком дорого? – спросила леди Эмили.

Здесь мне, пожалуй, следует объяснить причину моего визита. Как уже было сказано, я вовсе не имею обыкновения вращаться в этих великосветских кругах, но у меня есть крестная, а она дама весьма благородная и спорадически проявляет интерес к моим делам. Я как раз вернулся из Оксфорда и едва сводил концы с концами, когда она вдруг узнала, что герцог Ванбург ищет гувернера для сопровождения в поездке за границу своего внука и наследника маркиза Стейла, юноши восемнадцати лет. Перспектива провести таким образом следующие шесть месяцев показалась довольно сносной, и, соответственно, все было устроено. Сюда я прибыл, чтобы забрать своего подопечного и на следующий день выдвинуться с ним на континент.

– Вы говорили мне, что приедете поездом? – спросил герцог.

– Да, в 12:55.

⁵⁹ Ланкастер-Гейт – здание середины XIX века в районе Бейсуотер в центре Лондона; Элм-Парк-Гарденс – общественный парк и отель в центре Лондона.

– Но вы же сказали, что ехали на моторе.

– Нет, я никак не мог такого сказать. Хотя бы потому, что не имею мотора.

– Но, если вы мне этого не говорили, значит я должен был послать Бинга вас встретить. Бинг ведь вас не встречал?

– Нет, – ответил я, – не встречал.

– Ну вот вам, пожалуйста!

Леди Эмили положила огрызок яблока и вдруг сказала, совершенно меня огоротив:

– Ваш отец когда-то жил в Оукшотте. Я довольно хорошо его знала. Расшибся, упав с лошади.

– Нет-нет, это был мой дядя Хью. А отец почти всю жизнь провел в Индии. Там и умер.

– О, вряд ли он мог на такое сподобиться, – сказала леди Эмили. – Сомневаюсь, что он вообще там бывал, – не правда ли, Чарлз?

– Кто? Что?

– Хью Воган никогда ведь не был в Индии, не так ли?

– Нет-нет, конечно, не был. Он продал Оукшотт и уехал куда-то в Хемпшир, где и поселился. Он в жизни не бывал в Индии.

В этот момент в комнату вошла другая пожилая леди, почти неотличимая от леди Эмили.

– Это мистер Воган, дорогая. Ты ведь помнишь его отца по Оукшотту? Он повезет Стейла за границу. Леди Гертруда, моя сестра.

Леди Гертруда весело улыбнулась и взяла меня за руку:

– Так и знала, что кто-то придет к обеду, а четверть часа назад увидела, как Бинг вносит овощи. Я-то думала, он сейчас должен встречать поезд в Ванбурге.

– Нет, дорогая, – сказала леди Эмили. – Мистер Воган приехал на моторе.

– О, вот и прекрасно. Мне показалось, он говорил, что придет поездом.

II

Маркиз Стейл к обеду не вышел.

– Боюсь, в первый момент он покажется вам несколько застенчивым, – пояснил герцог. – До сегодняшнего утра мы не говорили ему, что вы придете. Боялись, как бы это не выбило его из колеи. Признаться, он немного расстроен из-за предстоящего отъезда. Ты не видела его после завтрака, дорогая?

– Не кажется ли вам, что будет лучше, если мистер Воган узнает правду о Стейле? – сказала леди Гертруда. – Все равно ведь скоро все откроется.

Герцог вздохнул:

– Правда в том, мистер Воган, что у моего племянника не все в порядке с головой. Он не сумасшедший, как вы понимаете, но явно страдает слабоумием.

Я кивнул.

– От крестной я уже знаю, что он немного отстает в развитии.

– Главным образом по этой причине он и не ходил в школу. Проучился однажды два семестра в частной школе, но через силу, очень там грустил, да и плата была слишком высока, вот я его и забрал. С тех пор он не получал надлежащего образования.

– Никакого, дорогой, – мягко поправила леди Гертруда.

– Да, что практически равнозначно. И это весьма печально, как вы вскоре убедитесь. Видите ли, мальчик будет моим преемником, он получит после меня наследство... что ж, к несчастью, это так. В настоящий момент имеется довольно крупная сумма, которую мать мальчика оставила на его образование. К деньгам никто не прикасался, – по правде говоря, я и сам о них забыл, но мой адвокат на днях напомнил. На сегодня сумма составляет, по-моему, где-то около тринадцати сотен фунтов. Я обсудил этот вопрос с леди Эмили и леди Гертрудой, и мы пришли к заключению, что самое лучшее, что можно сделать, – это отправить мальчика на год-другой за границу, подобрав ему подходящего наставника. Быть может, перемена мест пойдет ему на пользу. Во всяком случае, мы будем чувствовать, что исполнили наш долг перед мальчиком.

(Мне показалось странным, что они заговорили о чувстве исполненного долга, но я смолчал.)

– Вам, вероятно, понадобится купить ему кое-какую

одежду. Видите ли, он никогда в ней особо не нуждался, и, боюсь, мы позволили ему слегка одичать.

По завершении обеда принесли большую коробку с мятными пастилками. Леди Эмили съела пять штук.

III

Да, из Оксфорда меня исключили со всеми отягчающими обстоятельствами, что не сулило мне ничего хорошего, и все же потратить целый год на то, чтобы сопровождать душевно-больного аристократа в путешествии по Европе, – это перебор. Я уж было отважился рискнуть расположением крестной и, пока не поздно, отказаться от предложенной работы, как вдруг появился молодой человек. Он стоял в дверях столовой, явно испытывая неловкость, но рассматривал нас довольно дерзко и даже с некоторым превосходством.

– Привет, вы уже поели? Можно я возьму немного пастилок, тетя Эмили?

Это был юноша отнюдь не дурной наружности, чуть выше среднего роста, говорил с той довольно приятной интонацией, которую приобретают люди благородного происхождения, живущие среди слуг и фермерских рабочих. Одевание, явно причинявшее ему неудобство, было немислимым: из-под штанин потертого синего костюма на четырех пуговицах, из которого он давно вырос, виднелось несколько дюймов сбившихся в складки шерстяных носков, а из-за лацка-

нов – белая фланелевая рубашка. Вдобавок он надел жесткий вечерний воротничок и очень узкий галстук, завязанный морским узлом. Волосы были чересчур длинные, смоченные водой. Но при всем при этом сумасшедшим он не выглядел.

– Иди поздоровайся со своим новым гувернером, – сказала ему леди Гертруда, будто шестилетнему ребенку. – Поддай ему правую руку – да-да, эту.

Он неловко подошел ко мне, протягивая руку, затем спрятал ее за спину и, наклонившись, резко выбросил вперед. Мне вдруг стало стыдно за это бедное нескладное создание.

– День добрый, – сказал он. – Как я понимаю, за вами забыли выслать машину, да? Последний гувернер шел пешком и добрался до нас только к половине третьего. Потом ему сказали, что я сумасшедший, так что назад он снова шел пешком. Вам еще не сказали, что я сумасшедший?

– Нет, – поспешно ответил я, – конечно нет.

– Ну, значит, еще скажут. Хотя, возможно, уже сказали, но вам неловко мне в этом признаться. Вы ведь человек порядочный, джентльмен, не так ли? «Он человек пропащий, но, по крайней мере, джентльмен» – так мне описал вас дед. Однако вы напрасно за меня переживаете. Они всем говорят, что я сумасшедший.

В каком-либо другом обществе это могло бы вызвать некоторую неловкость, а тут раздался безмятежный голос леди Гертруды:

– Ты что это? Разве можно так разговаривать с мистером

Воганом! Иди съешь мятную пастилку. – И она взглянула на меня со значением, будто давая понять: «Ну? Что я вам говорила?!»

И тут я вдруг решил срочно приступить к работе. Через час мы сидели в поезде. В кармане у меня лежал чек от герцога: 150 фунтов на предварительные расходы; нелепый плетеный сундучок мальчика легко поместился на полке у него над головой.

– Послушайте, а как мне к вам обращаться? – спросил он.

– Ну, большинство моих друзей называют меня Эрнест.

– Мне тоже так можно? Правда?

– Ну конечно! А мне к вам как обращаться?

Он задумался в нерешительности.

– Дед и тетушки называют меня Стейл, все прочие при них обращаются ко мне «милорд», а когда мы одни – Ушан. Это из дразнилки про летучих мышей в голове⁶⁰, если помните.

– А нет ли у вас христианского имени?

И опять он ответил не сразу:

– Есть. Джордж Теодор Верней.

– Что ж, буду называть вас Джорджем.

– Правда? Скажите, а вы часто бываете в Лондоне?

– Да, обычно там и живу.

– А я ни разу не был в Лондоне, представляете? И вообще

⁶⁰ Имеется в виду английское выражение «Bats in the/one's Belfry» («Летучие мыши на колокольне/в голове») в значении «чокнутый» и т. п., соответствует русскому выражению «тараканы в голове», впервые упомянуто в книге: *George A. Peck. Peck's Uncle Ike and the Red Head Boy. 1899.*

никогда не выезжал из дома – разве что в школу.

– Там было гадко?

– Там было... – И он выругался по-простецки, как извозчик. – Слушайте, мне, наверное, не следует так выражаться? Тетя Эмили говорит, не стоит.

– И она совершенно права.

– Да у нее вообще какие-то странные понятия, уверяю вас.

И дальше мой спутник всю дорогу трещал напропалую.

В тот вечер он выразил желание пойти в театр, но я, памятуя о его одеянии, отправил его спать пораньше, а сам вышел на поиски друзей. Мне подумалось, что со ста пятьюдесятью фунтами в кармане я могу позволить себе выпить шампанского. Кроме того, мне было что рассказать. Следующий день мы посвятили заказам одежды. Я, еще когда увидел его багаж, понял, что в Лондоне нам придется провести четыре-пять дней: ему было совершенно нечего надеть. Как только он проснулся, я облачил его в один из моих оверко-тов и сводил во все магазины, которым задолжал. Он заказывал щедро и с явным удовольствием. К вечеру стали приносить первые пакеты, и его комната превратилась в склад картонок и папиросной оберточной бумаги. Мистер Филлрик, который всегда старается создать у меня впечатление, что я первый простолудин, осмелившийся заказать у него костюм, настолько размяк, что оставил свою всегдашнюю суровость и заходил к нам в отель в сопровождении помощника с большим чемоданом, набитым образцами. Джордж демонстриро-

вал уचितное пристрастие к чекам. Мистер Филлрик успел дошить два костюма к четвергу, а третий последует за нами в Крийон⁶¹.

Не знает ли он мест, где мы могли бы купить приличный комплект готовой вечерней одежды? Тот дал нам название магазина, куда его фирма сдавала на продажу свой неликвид. Мистер Филлрик прекрасно помнил отца его светлости. Завтра вечером он зайдет к его светлости для примерки. Уверен ли я, что на данный момент мне хватает имеющейся у меня одежды? А то у него есть с собой еще несколько образцов. Что же до того маленького дельца, касающегося моего счета, – разумеется, его можно решить в любой момент, когда мне будет удобно. (Его последнее письмо недвусмысленно давало мне понять, что, прежде чем приступить к выполнению каких-либо новых моих заказов, он должен получить чек по счету.) Я заказал два костюма. Все это доставляло Джорджу немыслимое удовольствие.

После первого же утра я бросил всяческие попытки сохранить положение наставника. До отъезда предстояло провести в Лондоне четыре дня, Джордж, как он уже сказал, здесь впервые. Он с безудержным энтузиазмом рвался все увидеть и сверх того – общаться с людьми; в то же время он обладал дерзкой критической способностью и этакой естественной

⁶¹ *Крийон* – знаменитый пятизвездочный отель в Париже, построен в 1758 году, в качестве гостиницы используется с 1909 года; архитекторы Жак-Анж Габриель и Луи-Франсуа Труар.

привередливостью, утонченностью, просвечивавшей сквозь неотесанность деревенщины. На первом концерте он весь горел от возбуждения; театр, оркестр, зрители – все его очаровывало. Он настоятельно требовал, чтобы мы приходили за десять минут до начала, а уходили за десять минут до конца первого акта. Он считал, что это вульгарно, глупо, безобразно, но ведь было столько всего другого, что ему не терпелось увидеть! Обывательский принцип «заплачено, значит надо досидеть» был для него неприемлем.

То же самое с едой: он желал перепробовать все блюда. Если какое-то блюдо ему не нравилось, он заказывал что-нибудь другое. В первый вечер, когда мы ужинали вне дома, он, глотнув шампанского, нашел его отвратительным пойлом и наотрез отказался попробовать еще раз. Ему не хватало терпения распробовать что-то как следует и развить хороший вкус, но самое прекрасное пленяло его моментально. В Национальной галерее он ничего не мог смотреть после «Смерти святого Петра Мученика» Беллини.

Он имел моментальный успех у всех, кому я его представлял. Он не обладал никакими «манерами». Он довольно откровенно говорил что думал и с живейшим интересом воспринимал все услышанное от других. Поначалу он иногда с раздражающей непосредственностью встречал в дежурные разговоры, каковыми мы в основном и довольствуемся, но почти сразу научился выделять чисто механические шаблонные моменты и пропускал их мимо ушей. Он подхватывал

избитые цитаты и вычурные фразы, но использовал их с самыми странными вывертами, оживляя их своим интересом к их красочности и образности.

И произошло это всего за четыре дня; а будь у него четыре месяца, перемена была бы разительной. Я видел, как он развивался час за часом.

В наш последний лондонский вечер я принес географический атлас и попытался объяснить своему подопечному, куда мы направляемся. По его представлениям, мир был разделен примерно на три полусферы: Европа, где шла война и где было много разных городов, таких как Париж и Будапешт, удаленных один от другого на равные расстояния и кишящих проститутками; Восток со множеством пустынь, где живут слоны и верблюды, дервиши и кивающие головой мандарины; и Америка, которая, помимо двух собственных континентов, охватывает еще и Австралию, Новую Зеландию и большую часть Британской империи, не факт, что «восточную»; а где-то еще жили некие «дикари».

– Нам придется переночевать в Бриндизи⁶², – говорил я. – Тогда с утра мы сможем попасть в Ллойд-Триестино⁶³. Как много вы курите!

Мы только что вернулись с чайно-коктейльной вечерин-

⁶² *Бриндизи* – город и морской порт на юге Италии, административный центр одноименной провинции.

⁶³ *Ллойд-Триестино* – одна из крупнейших судоходных компаний в 1920-е годы. С 2006-го носит название *Italia Marittima*.

ки. Джордж стоял у зеркала, любуясь собой в новом наряде.

– Знаете, Эрнест, он довольно хорошо сшил этот костюм. Это единственное, чему я научился дома, – курить, я имею в виду. Я часто поднимался с Бингом в помещение, где держат седла.

– Вы еще не поделились своими впечатлениями о вечеринке.

– Эрнест, почему все ваши друзья так со мной милы? Только потому, что в будущем я стану герцогом?

– Да нет, вовсе не обязательно – взять хотя бы Джулию. Она сказала о вас: «Он так похож на изгнанника».

– Боюсь, Джулия мне не очень понравилась. Нет, я имею в виду Питера и этого забавного мистера Олифанта⁶⁴.

– Думаю, вы им понравились.

– Как странно! – Он снова посмотрел на себя в зеркало. – Знаете, я скажу вам, о чем я думал все эти последние несколько дней. Я вовсе не верю, что я на самом деле сумасшедший. Только в особняке у меня бывает ощущение, что я не такой, как все. Конечно, я так мало знаю... я тут все думаю... вам не кажется, что «не все дома», возможно, как раз у деда с тетками?

– Стареют. Это неизбежно.

– Нет, теряют рассудок. Помню, какие дикие вещи они вытворяли: то тетки что-нибудь отчудят, то он. Прошлым летом тетя Гертруда клялась, что у нее под кроватью жужжит

⁶⁴ Олифант (африкаанс) – слон, также танк.

рой пчел, и подняла на ноги всех садовников, чтобы они окурили их дымом и все такое. Она наотрез отказывалась вылезать из постели, пока не выгонят пчел, — но их там не было, ни одной. А дед как-то раз сплел венок из земляничных листьев и давай скакать в нем по всему саду, припевая: «Графский сын, кухаркин сын и маркизов отпрыск». Тогда их чудачества не произвели на меня особого впечатления, но разве это нормально? Как бы то ни было, я не увижу их еще много-много месяцев. Ах, Эрнест, это слишком чудесно! Чересчур! Вам не кажется, что рукава тесноваты, а? Скажите, а люди в Афинах черные?

— Нет, не как смоль, главным образом это евреи и студенты выпускных курсов.

— А кто это такие?

— Ну, вот Питер, например, студент выпускного курса. Со всем недавно и я был одним из них.

— А меня можно принять за студента выпускного курса?

IV

Мне иногда кажется, что Природа, подобно ленивому писателю, может вдруг взять и резко свести к короткому рассказу то, что явно было задумано ею как вступление к длинному роману.

На следующее утро мне по почте пришло два письма. Одно из моего банка — возврат герцогского чека на 150 фунтов с

пометой «Платежи приостановлены», а второе – из адвокатской конторы, имеющей удовольствие уведомить меня о том, что они, а скорее один из них, зайдет ко мне тем же утром в связи с делом герцога Ванбурга. Письма я вручил Джорджу.

– Было у меня такое чувство, что все это слишком хорошо, чтобы длиться долго, – вот и все, что он сказал.

Адвокат прибыл своевременно. Кажется, ему не понравилось, что мы встретили его неодетыми. Он дал мне понять, что хочет поговорить со мной наедине.

Его милость якобы изменил свои планы в отношении внука. У него пропало желание отправлять его за границу. Конечно, между нами, мы вынуждены признать, что мальчик не вполне в здравом уме... весьма печально... эти старинные фамилии... поставить меня в столь затруднительное положение – мало ли что может случиться... Его милость обсудил все с леди Эмили и леди Гертрудой... Это и впрямь был опасный эксперимент... кроме того, они намеренно держали мальчика взаперти, не желая, чтобы свет узнал... дискредитация известного имени, знаете ли... и, если бы он бывал в обществе, конечно, пошли бы разговоры... люди любят посплетничать. Строго говоря, не его это дело – подвергать сомнению мудрость решения клиента, но, опять же, между нами, он был весьма удивлен, что его милость вообще надумал позволить мальчику покинуть дом... Позднее, возможно, но не сейчас... он должен постоянно находиться под наблюдением. И конечно, доверить ему такие большие деньги... Строго

между нами, его милость гораздо состоятельнее, чем думают... собственность в городе... налог на наследство... расходы на содержание Стейла... и так далее.

Ему же даны указания оплатить понесенные расходы по нынешнее число и выдать мне жалованье за три месяца... неслыханная щедрость со стороны его милости, без всяких юридических обязательств и расписок... Что касается одежды... очевидно, мы и в самом деле изрядно превысили указанную сумму. Однако все вещи, сшитые не на заказ, вне всякого сомнения, могут быть возвращены в магазины. Распоряжения на этот счет будут даны... доставить лорда Стейла к его деду также должен он сам.

И через час адвокат с Джорджем отбыли.

– Это были чудесные четыре дня, – сказал юноша на прощанье, затем добавил: – В любом случае через три года мне исполнится двадцать один год и тогда я смогу получить деньги, которые мне оставила мать. И все же, мне кажется, стыдно как-то отсылать все эти галстуки назад в магазин. Как повашему, могу я оставить себе парочку?

Через пять минут позвонила Джулия и пригласила нас на ланч.

Перевод Л. Житковой

Хозяин «Кремля»

Эту историю рассказал мне однажды утром в Париже хозяин известного ночного клуба, и я почти не сомневаюсь в ее подлинности.

Я не раскрою вам ни настоящего имени рассказчика, ни названия его клуба, ибо это не та реклама, которая пришлась бы ему по душе, и буду называть его Борис, а заведение – «Кремль».

«Кремль» живет по собственным законам и правилам.

Шляпу и пальто принимает у вас при входе самый настоящий казак свирепой наружности, в сапогах со шпорами для верховой езды, а его лицо там, где оно не скрыто бородой, обезображено рубцами и шрамами, как у довоенного немецкого студента.

Интерьер оформлен в виде шатра: стены обтянуты красной шерстяной материей и увешаны коврами. Очень хороший цыганский ансамбль играет цыганскую музыку, а очень хороший джазовый оркестр играет, когда посетители хотят танцевать.

Официанты в роскошных русских ливреях, рослые, как на подбор, разносят пылающие шампуры с нанизанными на них кружляшками мяса, перемежающимися с кольцами лука. Большинство официантов – бывшие офицеры Российской императорской гвардии.

Управляющий Борис — довольно молодой мужчина, ростом шесть футов пять с половиной дюймов. В шелковой русской рубаше, широких штанах, заправленных в высокие сапоги, он прохаживается от стола к столу, проверяя, все ли в порядке.

С двух часов дня и до захода солнца в «Кремле» ни одного пустого места, и посетители из американцев, меланхолично разглядывая счета, часто отмечают, что Борис «хорошо с этого имеет». И это правда.

Мода на Монмартре меняется очень быстро, но если нынешняя популярность заведения продержится еще один сезон, то можно будет подумать о вилле где-нибудь на Ривьере и поселиться там в уединении.

Как-то в субботний вечер или, скорее, в воскресное утро Борис сделал мне честь, присев за мой столик и выпив со мной бокал вина. В тот раз он и поведал мне свою историю.

Его отец был генералом, и, когда началась война, Борис учился в кадетском корпусе военной академии.

По молодости лет он не мог принимать участие в боевых действиях и был вынужден из-за линии фронта наблюдать крушение царского режима.

Затем, после окончания Первой мировой, наступили смутные времена, и разрозненные остатки царской армии при нерешительной поддержке их бывших союзников втягивались в проигрышную борьбу с большевиками.

Борису было восемнадцать лет. Отец его погиб на фронте,

а мать укатила в Америку.

Военная академия закрывалась, и Борис вместе с несколькими товарищами по кадетскому корпусу решил пойти на службу в последнюю царскую армию, которая под командованием Колчака сдерживала большевиков в Сибири.

Странная это была армия. Кавалеристы без конницы, моряки без кораблей, офицеры взбунтовавшихся полков, пограничные гарнизоны и личные адъютанты, ветераны Русско-японской войны и не нюхавшие порошу мальчишки вроде Бориса.

Помимо всего перечисленного, в состав армии Колчака входили части и подразделения союзных держав, направленные туда их переменчивыми правительствами и, судя по всему, благополучно ими забытые; были британские инженерные войска и несколько французских артиллерийских частей; плюс офицеры связи и военные атташе при Генеральном штабе.

Среди таких атташе был офицер французской кавалерии несколькими годами старше Бориса. До войны большинство образованных русских владели французским языком, как родным.

Борис и французский атташе подружились. Они часто выходили вместе покурить за компанию и делились воспоминаниями о довоенной Москве и Париже.

Через месяц-полтора стало ясно, что колчаковская кам-

пания обречена на провал.

В конечном итоге совет офицеров принял решение прорываться на восточное побережье по единственному открытому пути и оттуда пытаться бежать в Европу.

Для прикрытия отступления пришлось оставить вооруженный отряд, и так вышло, что и Борис, и его французский товарищ получили назначение в этот арьергард. В следующем же бою малочисленный заградотряд был разбит наголову.

В живых из офицерского состава остались только Борис и его друг, но положение их было практически безвыходным.

Без вещей, без средств к существованию, они оказались одни на пустынной территории, патрулируемой войсками противника и населенной дикими азиатами.

У француза, предоставленного самому себе, шансы на побег были ничтожны, но форма русского офицера пока что имела кое-какой престиж в окрестных деревнях.

Борис одолжил другу собственную шинель, чтобы тот спрятал под ней французскую форму, и они вместе месили снег, пробиваясь к границе.

В итоге они оказались на японской территории. Здесь все русские находились под подозрением, так что настал черед француза обеспечивать им безопасное продвижение к ближайшему французскому консульству.

Теперь главной целью Бориса стало воссоединение с матерью в Америке. А его другу надлежало вернуться в Париж

и доложить о себе. На том они и расстались.

Простились они душевно, пообещав друг другу увидеться, когда утрясут все свои дела. Но в глубине души оба сомневались, что счастливый случай когда-нибудь снова сведет их вместе.

Протекли два года, и вот в один весенний день бедно одетый русский парень очутился в Париже – с тремя сотнями франков в кармане и всеми своими земными сокровищами в вещмешке.

Это был совсем не тот жизнерадостный Борис, который бросил военную академию и подался в армию Колчака. Америка оказалась мало чем похожей на ту Страну Безграничных Возможностей, какой он ее себе представлял.

Его мать продала драгоценности и кое-что из личных вещей, которые ей удалось привезти с собой, и завела небольшое дело по пошиву одежды.

Шансов получить там постоянное место у Бориса не предвиделось, так что после двух-трех месяцев случайных заработков он устроился на пароход в Англию, чтобы отработать стоимость билета.

За несколько следующих месяцев Борис успел поработать официантом, шофером, платным партнером в танцзалах, докером – и дошел до грани нищеты.

В конце концов он встретил старого друга своего отца, в прошлом – первого секретаря дипломатического корпуса,

ныне работавшего парикмахером.

Тот посоветовал ему попытать счастья в Париже, где уже сформировалась большая русская община, и дал денег на дорогу.

И вот в то самое утро, когда у деревьев на Елисейских Полях как раз начинали лопаться почки, а кутюрье выставляли там свои весенние коллекции, Борис оказался в очередном чужом городе – в затрапезных обносках и один как перст.

Весь его капитал в пересчете на английские деньги составлял около тридцати шиллингов, и, не имея ни малейшего представления о том, что с ним будет дальше, он решил позавтракать.

Какой-нибудь англичанин, оказавшись в столь же затруднительном положении, вне всякого сомнения, не преминул бы для начала все тщательно рассчитать.

Он бы определил, на какой максимальный срок ему хватит имеющихся у него денег, и методично придерживался рамок бюджета, пока не собрался бы снова «искать работу».

Но когда Борис стоял, пересчитывая эти жалкие гроши, ему вдруг будто что-то стукнуло в голову.

В такой крайней нужде он едва ли мог надеяться протянуть больше двух-трех недель. По их истечении он окажется в точно таком же положении, но на две недели старше, без гроша за душой и ни на йоту не приблизившись к работе.

Так какая же разница, сейчас или две недели спустя? Он был в Париже, о котором столько читал и слышал. И для на-

чала решил как следует поесть, а в остальном положиться на волю случая.

Борис часто слышал, как в разговоре отец упоминал о ресторане «Ларн», но понятия не имел о его местонахождении и поэтому взял такси. Он вошел в ресторан и уселся в одно из кресел, обитых красным плюшем, не обращая внимания на официантов, с подозрением посматривавших на его обноски.

Без тени смущения огляделся вокруг. Здесь было спокойнее и вроде отсутствовала та помпезность, которой отличались крупные рестораны Нью-Йорка и Лондона, но беглый взгляд на меню убедил его, что это не то место, куда часто наведываются бедняки.

Затем он начал заказывать завтрак, и манера поведения официанта резко изменилась, когда он понял, что этот эксцентрично одетый клиент не нуждается в советах при выборе блюд и вина.

* * *

Он съел свежую икру, садовую овсянку в портвейне⁶⁵

⁶⁵ Для употребления в пищу эту деликатесную птицу откармливают пшеном в темноте, так как темнота активизирует ее потребность в еде, после чего топят в арманьяке и жарят целиком. Подают также целиком, прикрыв салфеткой. Во Франции охота на этих птиц официально запрещена в 1999 году.

и креп-сюзет⁶⁶, выпил бутылку винтажного кларета и бокал очень старого коньяка «Фин-Шампань», а потом изучил несколько хьюмидоров⁶⁷ с сигарами, прежде чем выбрал идеальную.

Покончив с едой, он попросил счет. Двести шестьдесят франков. Двадцать шесть выдал на чай официанту и четыре – швейцару, который принял у него шляпу и вещмешок. Семь франков стоило такси.

Через полминуты он стоял на краю тротуара ровно с тремя франками на все про все. Но ланч был великолепен, и Борис о нем не жалел.

Пока он стоял, соображая, что делать дальше, сзади вдруг кто-то тронул его за руку, и, обернувшись, он увидел изящно одетого француза, очевидно только что вышедшего из ресторана. Это был его друг, французский атташе.

– Я сидел за столиком позади тебя, – сказал он. – А ты меня даже не заметил, так был поглощен едой.

– Возможно, это была моя последняя еда на неопределенное будущее, – пояснил Борис, и друг его рассмеялся, приняв эти слова за шутку.

Они двинулись по улице, торопливо разговаривая. Француз поведал, как он уходил в отставку, когда закончился срок

⁶⁶ *Креп-сюзет* – французский десерт, представляющий собой блины с соусом из карамелизованного сахара, масла, мандаринового или апельсинового сока и цедры, их поливают ликером «Гран-Марнье», «Трипл-сек» или апельсиновым «Кюрасао», затем фламбируют.

⁶⁷ *Хьюмидор* – деревянный ящичек (шкатулка) для сигар.

его службы в армии, и сообщил, что теперь он глава процветающего предприятия, связанного с автомобильным бизнесом.

– Да и ты не промах, – сказал он. – Я был рад увидеть, что ты тоже преуспеваешь.

– Преуспеваю? Да на данный момент у меня в кармане ровно три франка на всю оставшуюся жизнь.

– Милый мой, люди с тремя франками в кармане не едят икру в «Ларне».

Тут он впервые обратил внимание на потрепанную одежду Бориса. Он ведь видел его только в военной форме, прошедшей через огонь и воду, так что вначале и не удивился тем обносам, что были на нем сейчас.

Теперь до него дошло, что это не та одежда, которую обычно носят преуспевающие молодые люди.

– Друг мой, – сказал он, – прости, что я рассмеялся, я не понимал... Давай поужинаем сегодня вечером у меня дома, там и обсудим, что делать дальше.

– Вот так я и стал хозяином «Кремля», – подытожил Борис. – Не пойдя я в то утро в «Ларн», мы бы с ним, скорее всего, так никогда и не встретились! Мой друг сказал, что я имею полное право на часть его автомобильного бизнеса, но потом, подумав, решил, что любому, кто мог потратить свои последние триста франков на один завтрак, сам Бог велел держать ресторан. Так и случилось. Он меня финансировал. Я собрал кое-кого из моих старых друзей и предложил им

работать у нас. Теперь, как вы видите, я относительно богатый человек.

Последние посетители оплатили счет, поднялись из-за стола и, пошатываясь на неверных ногах, направились к выходу. Борис тоже встал, чтобы с ними раскланялся. Свет дня залил помещение, когда они подняли жалюзи и вышли на улицу.

В новом свете все убранство показалось вдруг фальшивым и мишурным, официанты спешно сбрасывали свои бутафорские ливреи. Борис понял, что я чувствовал.

– Знаю, – сказал он, – здесь ничего русского. Невелика радость быть владельцем популярного ночного клуба, когда ты лишился родины.

Любовь на спаде

I

Возможно, бракосочетание Тома Уотча и Анжелы Тренч-Траубридж было событием столь незначительным, потому что произошло оно на нашей памяти. Ни в добрачной жизни этой молодой пары, ни в их помолвке, ни в свадебной церемонии не было недостатка в деталях, которые могли бы сделать эти события абсолютно типичными среди самых непримечательных в жизни современного общества. Вечерние газеты заливались:

«Горячие деньки выдались в церкви Святой Маргариты. Третья на этой неделе шикарная свадебная церемония состоялась сегодня после полудня: мистер Том Уотч и мисс Анжела Тренч-Траубридж стали мужем и женой. Мистер Уотч, который, как и многие молодые люди нашего времени, работает в городе, является вторым сыном ныне покойного досточтимого Уилфрида Уотча из Холиборн-хауса, Шефтсбери; отец невесты полковник Тренч-Траубридж известен как человек глубоко порядочный, неоднократно баллотировавшийся в парламент от партии консерваторов. Шафером выступал брат мистера Уотча капитан Колдстримской

гвардии⁶⁸ Питер Уотч. Невесту украшала фата из старинных брюссельских кружев, предоставленная ее бабушкой. В духе последней моды на отпуска в Британии жених с невестой проводят патриотический медовый месяц в Западной Англии».

А когда столько сказано, добавить практически нечего – разве что совсем чуть-чуть.

Анжела была хорошенькая, умненькая, жизнелюбивая, доброжелательная барышня двадцати пяти лет – тип тех самых всеми обожаемых девушек, которые по какой-то мистической причине, глубоко укоренившейся в психологии англосаксов, считают, что самое трудное в жизни – это удачно выйти замуж. Последние семь лет Анжела делала все, что свойственно делать барышням ее типа. В Лондоне она в среднем четыре раза в неделю ходила на танцы: первые три года к кому-нибудь в гости, а последние четыре – в рестораны и ночные клубы; в сельской местности она оказывала небольшую финансовую помощь соседям и, желая их поразить, устраивала охотничьи балы⁶⁹; она поработала в какой-то бедняцкой шляпной мастерской, опубликовала рассказ, одиннадцать раз побывала подружкой невесты и один раз – крестной матерью; дважды влюблялась – не в тех; про-

⁶⁸ *Колдстримская гвардия* – один из пехотных полков британской гвардии в составе гвардейской дивизии.

⁶⁹ *Охотничий бал* – традиционное ежегодное мероприятие в Англии, проводимое охотничьими клубами.

дала за пятьдесят гиней свою фотографию отделу рекламы некоего салона красоты; попала в неприятную ситуацию, когда ее имя было упомянуто в светской хронике; участвовала в пяти-шести благотворительных матине⁷⁰ и двух представлениях с живыми картинами, агитировала за кандидата от партии консерваторов на двух Всеобщих Выборах и, как и все девушки Британских островов, была несчастлива в родительском доме.

В годы Кризиса все пошло наперекосяк. В течение некоторого времени отец Анжелы выказывал растущее нежелание открывать лондонский дом; теперь же начал пугать разговорами о жесткой «экономии», что означало навсегда переехать в деревню, сократить число домашних слуг, прекратить разжигать камин в спальне, урезать сумму на расходы Анжелы и на приобретение полутора миль рыболовных угодий по соседству, на которые он положил глаз несколько лет назад.

Оказавшись перед мрачной перспективой непредсказуемо длительной жизни в доме предков, Анжела, как и многие чувствительные английские барышни до нее, решила, что после двух неудачных романов она уже вряд ли снова в кого-нибудь влюбится. Для нее не существовало романтического выбора между любовью и богатством. Старших сыновей в тот год было меньше, чем когда-либо, да к тому же накатила мощная волна конкуренции из Америки и доминио-

⁷⁰ *Матине* – утренник, дневной благотворительный концерт.

нов. Приходилось делать выбор между неудобством жизни в роскошном особняке с родителями и неудобством жизни с мужем в лондонских конюшнях.

Нищий Том Уотч начал выказывать Анжеле кое-какие знаки внимания еще в ее первый светский сезон. Он почти во всем был ее мужским эквивалентом. Человек эрудированный, он, заняв в университете третье место по истории, устроился в контору надежной аудиторской фирмы, где так с тех пор и работал. И на протяжении всех этих хмурых городских будней он с тоской вспоминал то бесшабашное время на выпускном курсе, когда после обычной университетской рутины счастливо добился успеха, придя вторым на одолженном гунтере⁷¹ в «дрочках»⁷² оксфордского колледжа Крайст-Черч, когда крушил мебель с буллингдонцами⁷³, влезал через окно, возвращаясь под утро с танцев из Лондона, и делил с другими, более состоятельными молодыми людьми темную, но дорогую квартиру в Хайе⁷⁴.

Анжела, как одна из популярных девушек на курсе, часто бывала и в Оксфорде, и в тех домах, где Том гостил во время отпусков, а поскольку годы унылого прозябания в аудиторской конторе отрезвили его и вогнали в тоску, он стал воспринимать ее как один из немногих ярких фрагментов его

⁷¹ *Гунтер* – охотничья лошадь.

⁷² В оригинале сленговое «grind» – так в шутку называли скачки в седле.

⁷³ *Буллингдонцы* – члены Буллингдонского клуба в Оксфорде.

⁷⁴ *Хай* (The High) – район Оксфорда.

славного прошлого. Он еще продолжал изредка бывать в обществе, так как спрос на неженатых молодых мужчин в Лондоне всегда оставался высок, но последние званые ужины, куда он приходил в скверном настроении, вымотанный рабочей рутиной и далекий от тех вещей, в обсуждение которых пытались его вовлечь дебютанты светских сезонов, лишь показывали ему, насколько шире стала пропасть между ним и его бывшими друзьями.

Будучи девушкой в высшей степени приличной (хотя кто ж их разберет), Анжела всегда была с ним приветлива, и он благодарно отвечал ей тем же. И все же она принадлежала его прошлому, а не будущему. Его отношение к ней было сентиментальным, но без намека на честолюбивые устремления. Она оставалась частью его безвозвратной юности, и у него и в мыслях не было рассматривать ее как потенциальную спутницу жизни. Соответственно, ее предложение заключить брак явилось для него сюрпризом, и отнюдь не желанным.

Сбежав от унылой толкотни танцплощадки, они сидели в ночном клубе и лакомились там копченой рыбкой. Между ними возникла обычная в такой обстановке душевная близость с легким налетом нежности, и Анжела сказала ему ласковым голосом:

– Ты всегда так добр ко мне, Том, гораздо больше, чем кто-либо другой... почему, интересно? – И прежде чем он успел уклониться от ответа – мол, на работе у него был ди-

ко трудный день, а танцы отупляют, — она задала прямой вопрос.

— Ну конечно, — промямлил он, — то есть я хочу сказать, старушка, мне бы и самому хотелось этого, как ничего другого. То есть ты же знаешь, я всегда был от тебя без ума... Но проблема в том, что я просто не могу позволить себе жеваться. Об этом и речи быть не может в ближайшие несколько лет.

— Но я бы вряд ли стала возражать против того, чтобы разделить с тобой бедность, — мы ведь так хорошо друг друга знаем. Все образуется.

И прежде чем Том успел понять, нравится ему это или нет, была объявлена помолвка.

Он зарабатывал восемь сотен в год, Анжела — две. Со временем у обоих «будет больше». Все сложится не так уж плохо, если они проявят благоразумие и повременят обзаводиться детьми. Ему придется отказаться от сезонной охоты; она откажется от прислуги. И на фундаменте такого взаимного самопожертвования они построят общее будущее.

В день свадьбы лил страшный дождь, и лишь самые стойкие и упорные среди прихожан церкви Святой Маргариты вышли поглазеть на меланхоличную вереницу гостей, выскакивающих из мокрых машин и ныряющих под навес церковной дорожки. После церемонии гости переместились в дом Анжелы на Эгертон-Гарденс. В половине пятого молодожены сели в поезд на Паддингтонском вокзале и отправились

в Западную Англию. Голубой ковер и полосатый навес были собраны и заперты в кладовке вместе с пуфиками и свечными огарками. Лампы в проходах погашены, двери закрыты и заперты на засов. Цветы и кусты упакованы для последующего размещения в палатах больницы для неизлечимых, к которой проявляла интерес миссис Уотч. Секретарь миссис Тренч-Траубридж принялся упаковывать куски свадебного торта в серебристо-белые картонные коробки для отправки прислуге и сельским жителям. Один из капельдинеров поспешил в Ковент-Гарден, чтобы вернуть фрак в контору по прокату мужской одежды, где он его арендовал. К малолетнему племяннику жениха, исполнявшему на свадебной церемонии обязанности пажа и привлекавшему всеобщее внимание чересчур откровенными комментариями, вызвали врача, так как у него поднялась температура и появились многочисленные тревожные симптомы пищевого отравления. Горничная Сары Трамперс тактично вернула дорожные часы, которые престарелая леди машинально прихватила с прилавка со свадебными подарками. (Эта ее слабость всем была хорошо известна, и детективы имели постоянно действующий приказ избегать неприятных сцен на приемах и званых вечерах. Не так уж часто приглашали ее нынче на свадьбы. А если и приглашали, то украденные подарки неизменно возвращались в тот же вечер или на следующий день.) Подружки невесты собрались вместе за ужином и принялись горячо обсуждать интимные моменты медового месяца, потому

как в данном случае шансы были три против двух, что церемоний не предвидится. Экспресс «Грейт Вестерн» громыхал по не просыхающим от дождей британским графствам. Том и Анжела, оба с унылыми лицами, сидели в вагоне первого класса для курящих и обсуждали прошедший день.

– Удивительно, что никто из нас не опоздал.

– Мама вся изнервничалась...

– Что-то я Джона не видел, ты не видела?

– Был он, был. Попрощался с нами в прихожей.

– А, да... Надеюсь, они все упаковали.

– Ты какие книги взяла?

Самая обычная свадьба, без происшествий.

Вдруг Том сказал:

– Наверное, как-то непредприимчиво с нашей стороны банально поехать в Девон к тете Марте. Помнишь, как Локвуды ездили в Марокко и попали в лапы разбойников?

– А Рэндаллы на десять дней застряли в снегах Норвегии.

– Боюсь, в Девоне нам приключения не светят.

– Ну, мы же не ради приключений поженились, Том?

И, как водится, именно с этой минуты медовый месяц принял странный оборот.

II

– Не знаешь, мы с пересадкой?

– Вроде да. Забыл спросить. Билеты покупал Питер. Выйду в Эксетере⁷⁵ и узнаю.

Поезд прибыл на станцию.

– Я на минутку, – сказал Том, закрывая за собой дверь купе, дабы не впустить холод. Он вышел на перрон, купил местную «вечерку», узнал, что едут они без пересадки, и уже подходил к вагону, как вдруг кто-то окликнул его, схватив за руку:

– Уотч! Привет, старина! Помнишь меня? – (И Том почти сразу узнал улыбчивое лицо старого школьного приятеля.) – Смотрю, ты недавно женился. Мои поздравления! Собирался тебе написать. Надо же, как мне повезло вот так вдруг с тобой столкнуться. Пойдем выпьем.

– Я бы с радостью. Но у меня поезд, надо возвращаться.

– Еще уйма времени, старик! Стоит двенадцать минут. Надо выпить.

Продолжая рыться в памяти в поисках имени старого друга, Том отправился с ним в привокзальный буфет.

– А я живу в пятнадцати милях отсюда. Просто приехал встретить поезд. Жду одну пышечку из Лондона. Как в воду канула. Ну и ладно, баба с возу...

Они выпили по два виски – даже приятно после холодного поезда. И Том сказал:

– Что ж, рад был тебя повидать. А теперь мне пора на поезд. Пойдем, я познакомлю тебя с женой.

⁷⁵ *Эксетер* – главный город графства Девоншир на реке Экс.

Но когда они добрались до платформы, поезда и след простыл.

– Слушай, старик, это же чертовски весело. Что делать будешь? Поездов сегодня вечером уже не предвидится. А знаешь, поедem-ка лучше ко мне, переночуешь, а утром двинешься дальше. Мы можем телеграфировать твоей жене и сообщить, где ты находишься.

– Только бы с Анжелой ничего не случилось.

– Силы небесные! Да что в Англии может случиться? К тому же ты все равно ничего не сможешь сделать. Давай мне ее адрес, я срочно пошлю ей телеграмму и напишу, где ты находишься. Прыгай в машину и жди.

Наутро Том проснулся с ощущением легкой тревоги. Поворочался в постели, изучая сонным взглядом незнакомую обстановку. И наконец вспомнил. Ну конечно! Он ведь женился. Анжела уехала в поезде без него, а он многие мили трясся в темноте на машине и приехал в дом старого друга, чьего имени так и не вспомнил. Добрались к ужину. Выпили бургундского, порта⁷⁶ и бренди. Строго говоря, упились в стельку. Вспоминали какие-то бытовые скандалы, всякие веселые издевательства над учителями химии, ночные эскапады, когда они сбегали в Лондон, в клуб «43»⁷⁷. Как же его звали? Теперь и спросить не у кого. В любом случае нужно добраться до Анжелы. Он надеялся, что она благополуч-

⁷⁶ *Порт* – один из сортов виски.

⁷⁷ Знаменитый в эпоху джаза ночной клуб в Сохо на Геррард-стрит, 43.

но доехала до дома тети Марты и получила его телеграмму. Нелепое начало медового месяца – зато они с Анжелой так хорошо друг друга знают... Это вам не какой-нибудь случайный роман.

Вскоре ему позвонили.

– Сегодня утром, сэр, недалеко отсюда собирают гончих. Капитан интересовался, не желаете ли поохотиться.

– Нет-нет! Я должен выехать сразу после завтрака.

– Капитан сказал, что может снабдить вас верховой лошастью, сэр, и одолжить охотничий костюм.

– Нет-нет! Ни в коем случае.

Но когда Том, спустившись к завтраку, увидел, как хозяин дома наливает в седельную фляжку шерри-брэнди, сердце его дрогнуло.

– Правда, компания у нас – смех один. Выезжают все: приходской священник, фермеры, кто-то со своей живностью. Но нам обычно достается пристойный маршрут вдоль границы охотничьих угодий по краю вересковой пустоши. Жаль, что не сможешь выехать. Я бы хотел, чтобы ты опробовал мою новую кобылу – чудесная лошадка... пожалуй, даже слишком... для такой местности.

А почему бы, собственно, и нет?.. В конце концов, они с Анжелой так хорошо друг друга знают... не то что какие-нибудь там...

И спустя два часа Том обнаружил, что он, забыв обо всем на свете, бешеным галопом несется с ветром наперегонки по

худшим охотничьим угождам Британских островов – чередование вереска и изрытого выбоинами болотного мха, валунов, горных ручьев и заброшенных гравийных карьеров, – свора гончих сплошным потоком устремляется вверх к долине напротив, кобыла идет идеально, фермерские мальчишки на маленьких косматых пони, жены поверенных – на кобылках, старые флотские капитаны-отставники подпрыгивают на высоченных тяжеловозах, ветеринары и викарии выныривают со всех сторон от него, а ему хоть бы хны.

Еще через два часа он оказался в менее счастливых обстоятельствах – один как перст в зарослях вереска, окруженный со всех сторон болотами до линии горизонта, не разорванной ни единым столбом. Он спешился подтянуть подпругу, а лошадь его, пустившись в галоп по склону холма, чтобы нагнать остальных, попала ногой в кроличью нору, повалилась, перевернулась в опасной близости от него и, высвободив ногу, резво поскакала в сторону конюшни, бросив его пыхтеть и отдуваться, лежа на спине. Теперь он оказался один в совершенно незнакомой местности. Он не знал ни имени своего хозяина, ни названия его усадьбы. Представил, как бродит от деревни к деревне, обращая ко всем с одним и тем же вопросом: «Не подскажете ли адрес одного молодого человека, который был сегодня утром на охоте? Он бывал в Бутчер-хаусе в Итоне!» Мало того, Том вдруг вспомнил, что он женился. Ну да, они с Анжелой так хорошо знают друг друга... но всему есть предел.

В восемь часов вечера в освещенную газовыми лампами гостиную отеля «Ройал Джордж» в городе Чагфорд ввалился совершенно обессиленный тип. В сапогах для верховой езды и в грязных лохмотьях. Он пять часов проплутал по пустоши и дико проголодался. Ему подали канадского сыра, маргарина, консервированного лосося и бутылочного стаута⁷⁸, после чего уложили на широкую латунную кровать, скрипевшую при каждом его движении. Однако проспал он до половины одиннадцатого утра.

Третий день медового месяца начался более благоприятно. Бледное солнце не было чересчур жарким. Негнувшими руками, преодолевая боль во всем теле, Том натянул еще непросохший охотничий костюм его неизвестного хозяина и разузнал, как добраться до отдаленной деревни, где находится дом его тети Марты и где Ангела наверняка уже вся изнервничалась в ожидании. Он отправил ей телеграмму: «Приезжаю сегодня вечером. Все объясню. Люблю», – и навел справки о поездах. Поезд ходил раз в сутки, отправлялся в середине дня и после трех пересадок поздним вечером доставил его на соседнюю станцию. Там он подвергся еще одному испытанию. Доехать до деревни не на чем – машин нет. До дома его тети восемь миль. Телефон после семи вечера не работает. После целого дня в дороге, еще и в мокрой одеж-

⁷⁸ *Стаут* – темный элевый сорт пива, приготовленного с использованием жженого солода с добавлением карамельного солода; известен с XVII века.

де, он продрог и расчихался. И конечно же, сильно простудился. Перспектива пройти восемь миль пешком в темноте была немыслимой. Он провел ночь в гостинице.

Четвертый день занялся, когда Том уже потерял голос и почти оглох. В таком состоянии его посадили в машину и доставили в дом, так заботливо нанятый на его медовую неделю. Здесь его встретили известием, что Анжела уехала ранним утром.

– Миссис Уотч, сэр, получила телеграмму, в которой сообщалось, что во время охоты с вами произошел несчастный случай. Это совершенно выбило ее из колеи, так как она уже пригласила на ланч несколько друзей.

– Но куда она уехала?

– Адрес был указан на телеграмме, сэр. Тот же, что в вашей первой телеграмме... Нет, сэр, та телеграмма не сохранилась.

Стало быть, Анжела отправилась к его хозяину, живущему в окрестностях Эксетера, – что ж, она сможет прекрасно о себе позаботиться. Том слишком плохо себя чувствовал, чтобы беспокоиться. Он сразу лег спать.

Пятый день прошел в горестном оцепенении. Том валялся в постели, апатично листая страницы таких же книг, которые его тетя собрала за пятьдесят лет суровой деревенской жизни. На шестой день его стали мучить угрызения совести. Наверное, надо что-то предпринять в отношении Анжелы. И вот тогда-то дворецкий высказал предположение,

что имя, значившееся на внутреннем кармане охотничьей куртки, возможно, и было именем недавнего хозяина Тома и нынешнего – Анжелы. Немного работы с местной адресной книгой решило дело. Том отправил телеграмму:

«Как ты? Жду тебя здесь. Том».

И в ответ получил:

«Вполне. Твой друг божественен. Присоединяйся. Анжела».

«Лежу. Подхватил простуду. Том».

«Сочувствую дорогой. Увидимся Лондоне или я приеду тебе. Вряд ли это имеет смысл. Анжела».

«Увидимся Лондоне. Том».

И в самом деле Том с Анжелой знали друг друга лучше некуда...

Через два дня они встретились в крошечной квартирке, которую украсила для них миссис Уотч.

– Надеюсь, ты весь багаж привезла?

– Да, дорогой. До чего же хорошо дома!

– Завтра на службу.

– Да, а мне нужно обзвонить уйму народу. Я еще никого не поблагодарила за последнюю порцию подарков.

– Хорошо провела время?

– Неплохо. Как твоя простуда?

– Лучше. Что у нас сегодня вечером?

– Я обещала навестить маменьку. А потом, как и говорила,

ужинаю с твоим другом из Девона. Он приехал со мной – повидать какую-то пышечку. Надо же как-то отблагодарить его за гостеприимство.

– Вот и отлично. Но к маменьке я вряд ли приду.

– И не надо. Я должна рассказать ей кучу всего такого, что тебе будет скучно слушать.

Вечером миссис Тренч-Траубридж сказала:

– По-моему, сегодня вечером Анджела была очень мила. Медовый месяц пошел ей на пользу. Том проявил благоразумие, не увезя ее в какое-нибудь изнурительное путешествие на континент. Видно, что она вернулась совершенно отдохнувшей. А то ведь медовый месяц часто бывает очень тяжелым, особенно после всей этой свадебной чехарды.

– Так что там у них со съемным коттеджем в Девоне? – спросил ее супруг.

– Не съемным, дорогой, его им подарили. Рядом с домом того холостяка, друга Тома, как я поняла. Анджела говорила, для нее это будет такое миленькое местечко, куда она сможет ездить, если захочет сменить обстановку. Из-за работы Тома у них никогда не бывает нормального отпуска.

– Весьма благоразумно, и в самом деле весьма благоразумно, – сказал мистер Тренч-Траубридж, погружаясь в обычную для него в девять вечера легкую дрему.

Перевод Л. Житковой

Избыток терпимости

Круглое, приятное лицо – не загорелое, а скорее раскрасневшееся под тропическим солнцем; круглые, слегка растерянные серые глаза; коротко стриженные песочные волосы; широкая улыбка; усики песочного цвета; опрятный белый парусиновый костюм и пробковый шлем – типичный портрет английского коммивояжера, застрявшего между пароходными рейсами в маленьком душном порту на Красном море.

Мы с ним были единственными европейцами в гостинице. Судно, которого мы дожидались, отчаливало через два дня. Все это время мы провели вместе.

Мы посещали местный базар и играли бесконечные партии в покер на костях за столиками кафе. В такой атмосфере случайные знакомые легко переходят на доверительный тон.

Совершенно естественно, что сперва мы говорили на общие темы – местные условия и расовые проблемы.

– Не могу понять, из-за чего все эти распри. Они славные ребята, когда узнаешь их получше.

Британские чиновники, местные арабы, индийские поселенцы – все они для моего нового друга были «славными ребятами». Как странно, что они не могли поладить. Конечно, у представителей разных рас идеи тоже разные: кто-то не может, у кого-то превратные представления о честности, неко-

торые время от времени распускаются, хлебнув лишнего.

— И все-таки, — сказал он, — это их, и только их, личное дело. Если бы все они оставили друг друга в покое и жили каждый по-своему, не было бы никаких сложностей. Что касается религий, ну, в каждой есть много чего хорошего: в индуизме, в исламе, в язычестве; миссионеры тоже совершают много добрых дел: уэслианцы⁷⁹, католики, англиканцы — все они отличные ребята.

Люди, оказавшиеся в отдаленных уголках мира, как правило, выработали непререкаемое мнение по любому вопросу. После нескольких месяцев, проведенных среди них, небывалым облегчением было встретить такого терпимого человека со столь широкими взглядами.

В первый вечер я расстался со своим спутником с чувством теплого уважения. Наконец-то здесь, на континенте, населенном почти сплошь фанатиками разного рода, мне попался, как я думал, приятный человек.

На следующий день мы коснулись более интимных тем, и я начал кое-что узнавать о его жизни. Ему было где-то за сорок — скорее даже под пятьдесят, хотя я бы дал ему меньше.

Он был единственным сыном и вырос в провинциальном английском городке, в доме, где над каждым членом семей-

⁷⁹ *Уэслианские методисты* — название, которое использовалось последователями английского богослова Джона Уэсли (1703–1791) после смерти этого проповедника, ознаменовавшей окончательное отделение методистского движения от англиканской церкви и раскол в самом этом движении.

ства довели строгие принципы викторианской благовидности.

Родители произвели его на свет довольно поздно, и все его воспоминания берут начало в том времени, когда его отец ушел на покой с ответственного государственного поста в Индии.

И хотя сама его натура категорически отрицала возможность какого-либо разлада или неудобств, из этих воспоминаний становилось ясно, что для него отеческий дом никогда не был по-настоящему родным.

Суровые правила морали и этикета, беспощадное порицание соседей и непреодолимый классовый барьер, воздвигаемый перед каждым, кого считали социально неполноценным, враждебное неодобрение тех, кто в чем-то их превосходил, — таковыми, вне всяких сомнений, были принципы родителей моего друга, и он вырос с глубоко укоренившейся решимостью строить собственную жизнь на совершенно иных началах.

Характер его работы, о котором он поведал мне в вечер нашей встречи, поразил меня. Он промышлял поставкой швейных машин индийским лавочникам по всему восточному побережью Африки.

Было совершенно ясно, что такая работа не соответствовала ни его возрасту, ни образованию. Позднее я получил объяснение.

Он занялся коммерцией сразу по окончании привилеги-

рованной школы, преуспел и в конце концов прямо перед войной основал собственное дело, вложив капитал, который достался ему после смерти отца.

— Мне не повезло, — сказал он. — Я не думаю, что это полностью моя вина. Видите ли, я взял в партнеры одного парня. Мы с ним служили в одной конторе, и он всегда мне нравился, хотя с другими ребятами он не слишком ладил. Его уволили как раз в то время, когда я получил наследство. Я так и не понял, в чем была проблема, и в любом случае это было не мое дело. Поначалу наше сотрудничество казалось довольно удачным, поскольку мой партнер не годился для военной службы и мог присмотреть за делами дома, пока я служил в армии. Казалось, дела идут очень хорошо. Мы переехали в новый офис, наняли больше служащих и всю войну получали солидные дивиденды. Но это было лишь временное процветание. Когда я вернулся с войны, то не слишком много внимания уделял делам, боюсь, я слегка потерял голову оттого, что нынче я дома и в безопасности. Я оставил все в руках моего партнера и, полагая, пустил все на самотек на два года. Так или иначе, я не знал, насколько плохо обстоят наши дела, пока внезапно он не сообщил мне, что мы должны объявить о банкротстве. С тех пор мне время от времени удавалось найти работу, но это не то же самое, что быть самому себе хозяином.

Он смотрел на набережную, задумчиво вертя в руках стакан. Затем, словно спохватившись, сделал красочное допол-

нение к своему рассказу:

– Одно меня очень утешает, – сказал он. – Мой партнер не покатылся по наклонной вместе со мной. Почти сразу же после нашего банкротства он открыл собственное дело – в той же области, но гораздо более солидное. Теперь он богатый человек.

Чуть позже в тот же день он удивил меня, упомянув как бы между прочим, что у него есть сын.

– Сын?

– Да. Дома я оставил мальчика двадцати семи лет. Он ужасно славный паренек. Жалко, что я нечасто бываю на родине и мы редко видимся. Но у него теперь свои друзья, и я осмелюсь сказать, что ему и без меня хорошо. Он увлекся театром. Сам-то я в этом не очень разбираюсь. Знаете, все его друзья-театралы – интереснейшие ребята! Я так счастлив, что мой сын нашел себе занятие по душе. Я всегда стоял на том, что нельзя пытаться навязать ему интерес к тому, что его не привлекает. Жаль только, что денег это приносит крайне мало. Он всегда в поиске работы в театре или кинематографе, но он говорит: это так трудно, если не знаешь нужных людей, и очень дорого. Я посылаю ему сколько могу, но ему надо хорошо одеваться, и посещать разные места, и развлекаться, а все это требует денег. Но я надеюсь, что все это во что-то выльется в конце концов. Он ведь такой славный парнишка.

И только несколько дней спустя, на борту корабля, когда мы уже пришвартовались в порту, где на следующий день мой знакомый должен был сойти на берег, он упомянул о своей жене.

Мы выпили не один бокал, желая друг другу удачи в наших путешествиях. Близкое расставание обеспечило взаимное доверие, невозможное между постоянными попутчиками.

– Моя жена меня покинула, – просто сказал он. – Это было очень неожиданно. Я до сих пор ума не приложу, почему так случилось. Я всегда поощрял ее желания делать то, что она хочет. Понимаете, навидался я викторианских браков, где супруга не должна иметь иных интересов, кроме ведения хозяйства, а отец семейства каждый вечер ужинает дома. Не одобряю я эти идеи. Мне нравилось, что у жены есть собственные друзья, что она может принимать их дома, когда пожелает, выходить, когда ей вздумается, и сам тоже так поступал. Я думал, что мы счастливы, что наша жизнь идеальна. Она любила танцевать, а я – нет, так что, когда подвернулся парень, с которым, как мне казалось, ей нравилось проводить время, я был в восторге. Мы пару раз встречались с ним, и я слышал, что он увивается за женщинами, но это было не мое дело. Мой отец строго разграничивал тех друзей, которых встречал в клубе, и тех, кого приглашал в свой дом. Он никогда не привел бы домой того, чей моральный облик был хоть в чем-то небезупречен. Я же считаю, что все это

старомодная чушь. Так или иначе, чтобы сократить длинный рассказ, скажу лишь, что через некоторое время после того, как она начала появляться там и сям с этим парнем, она внезапно в него влюбилась и сбежала с ним. Мне он тоже всегда нравился, очень славный парень. Полагаю, у нее было полное право делать то, что она предпочитает. И все равно я был удивлен. С тех пор я одинок.

В этот момент мимо нашего столика прошли двое попутчиков, знакомства с которыми я старательно избегал. Он зазвал их за наш стол, так что я пожелал ему доброй ночи и ушел вниз.

На следующий день мы не виделись и не разговаривали, но я мельком заметил его на пирсе – он наблюдал за погрузкой ящика с образцами швейных машин.

Я видел, как он окончил свои дела и зашагал в город – неунывающая и трагическая фигурка в подпрыгивающем пробковом шлеме. Человек, которого предал и лишил наследного капитала партнер, обманывал явно никчемный сын, бросила жена, человек неудержимый, сбитый с толку, бодрой пружинящей походкой прокладывал себе путь на целый континент хищных и безжалостных славных ребят.

Перевод Е. Калявиной

Вылазка в действительность

I

Все годные на свалку лондонские такси, видимо, поступают в распоряжение швейцара ресторана Эспинозы. У него командирская выправка, и на груди его тремя рядами блещут воинские ордена, повествуя о геройстве и невзгодах, о том, как рушатся в огне фермы буров, как врываются в рай фанатики из племени фузи-вузи и как высокомерные мандарины созерцают солдат, топчущих их фарфор и рвущих тончайшие шелка. Стоит ему только снизойти по ступенькам крыльца Эспинозы – и к вашим услугам готов экипаж, столь же разбитый, как враги короля Британской империи.

Саймон Лент сунул полкроны в белую лайковую перчатку и не стал спрашивать сдачи. Вслед за Сильвией он пристроился среди сломанных пружин на сквозняке между окнами автомобиля. Вечер был не из самых приятных. Они сидели за столиком до двух, благо ресторан нынче поздно закрывался. Сильвия не стала ничего заказывать, потому что Саймон пожаловался на безденежье. Так они провели часов пять или шесть – то молча, то в перекорах, то безучастно кивая проходящим парам. Саймон высадил Сильвию у ее подъезда, он неловко поцеловал ее, она холодно подставила губы; и надо

было возвращаться к себе, в маленькую квартирку над бессонным гаражом. За нее Саймон платил шесть гиней в неделю.

Перед его подъездом мыли лимузин. Он протиснулся мимо и одолел узкую лестницу, где в былые времена раздавался свист и топот конюхов, спозаранку спешивших к стойлам. (Бедные и молодые обитатели бывших Конюшен! Бедные, бедные и слегка влюбленные холостяки, живущие здесь на свои восемьсот фунтов в год!) На его туалетном столике были набросаны письма, которые пришли ввечеру, пока он одевался. Он зажег газовый светильник и принялся их распечатывать. Счет от портного на 56 фунтов, от галантерейщика на 43 фунта; уведомление о неуплате его годового клубного взноса; счет от Эспинозы с приложенным сообщением, что ежемесячная плата наличными была строго оговорена и что в дальнейшем кредита ему предоставляться не будет; извещение из банка: «как выяснилось», его последний чек превышал на 10 фунтов 16 шиллингов сумму допустимого превышения; запрос от налогового инспектора относительно количества и жалованья наемной рабочей силы (то есть миссис Шоу, которая приходила прибрать постель и поставить апельсиновый сок за 4 шиллинга 6 пенсов в день); счета поменьше за книги, очки, сигары, лосьон и за подарки к последним четверем дням рождения Сильвии (бедные магазины, где имеют дело с молодыми людьми, живущими в бывших Конюшнях!).

Остальная почта была совсем иного рода. Коробка сушеного инжира от почитателя из Фресно (Калифорния); два письма от юных леди, каждая из которых сообщала, что готовит доклад о его творчестве для своего университетского литературного общества, — обеим нужна была поэтому его фотография; газетные вырезки, где он был назван «популярнейшим», «блестящим», «метеорическим» молодым романистом «завидного таланта»; требование дать займы 200 фунтов журналисту-паралитику; приглашение к завтраку у леди Метроланд; шесть страниц обоснованной ругани из сумасшедшего дома на севере Англии. Ибо Саймон Лент был в своем роде и в своих пределах молодой знаменитостью, о чем вряд ли кто догадался бы, глядя ему в душу.

Последний конверт с машинописным адресом Саймон вскрыл тоже без особых надежд. Внутри оказался бланк с названием какой-то киностудии из лондонских предместий. Письмо на бланке было короткое и деловое.

Дорогой Саймон Лент! (Обращение, как он давно заметил, ходовое в театральных кругах.)

Любопытно, не предполагаете ли Вы начать писать для кино. Мы были бы Вам признательны за Ваши соображения по поводу нашего нового фильма. Желательно было бы повидаться с Вами завтра во время ланча в Гаррик-клубе и услышать, что Вы об этом думаете. О своем согласии поставьте, пожалуйста, в известность мою ночную секре-

таришу в любое время до восьми часов завтрашнего утра или мою дневную секретаришу после этого часа.

Искренне Ваш...

Внизу были два слова, написанные от руки, что-то вроде Иудее Маккавее, а под ними то же самое на машинке – сэр Джеймс Макрэй.

Саймон перечел все это дважды. Потом он позвонил сэру Джеймсу Макрэю и уведомил его ночную секретаршу, что он явится завтра к означенному ланчу. Едва он положил трубку, как телефон зазвонил.

– Говорит ночная секретарша сэра Джеймса Макрэя. Сэр Джеймс был бы весьма признателен, если бы мистер Лент заехал сейчас повидаться с ним у него на дому в Хэмпстеде.

Саймон посмотрел на часы. Время близилось к трем утра.

– Но... как-то поздновато в такую даль...

– Сэр Джеймс высылает за вами машину.

У Саймона мигом прошла всякая усталость. Пока он ждал машину, телефон снова зазвонил.

– Саймон, – сказал голос Сильвии, – ты спишь?

– Нет, я как раз выхожу из дому.

– Саймон... Тебе со мной было сегодня очень скверно?

– Омерзительно.

– Ну знаешь, мне с тобой тоже было довольно омерзительно.

– Ладно. Увидимся – разберемся.

- Ты что, не хочешь со мной разговаривать?
- Прости, мне не до того. У меня тут кое-какие дела.
- Саймон, ты не с ума ли сошел?
- Нет времени объяснять. Машина ждет.
- Когда мы увидимся, завтра?
- Честное слово, не знаю. Позвони утром. Спокойной ночи.

За несколько сот метров Сильвия положила трубку, поднялась с коврика, на котором устроилась в надежде минут двадцать повывяснять отношения, и уныло забралась в постель.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.